

МАГ, РАЗРЫВАЮЩИЙ
НА КУСКИ

АКІ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Aki Latus

Маг, разрывающий на куски

«Автор»

2026

Latus A.

Маг, разрывающий на куски / А. Latus — «Автор», 2026

Рай построен. Войны богов остались в легендах. Под золотым куполом Магической Империи царит совершенный порядок: бессмертные маги правят, дети учатся, големы служат. Артём и София, столпы нового мира, наслаждаются плодами векового мира. Но у идеала есть трещины. Загадочные «выбросы» сотрясают Империю. В Академию приходят студенты с даром, ломающим все законы прежнего мира, а в тени безупречных парков прорастают первые цветы — невероятно прекрасные и смертельно опасные. Когда тишину райских улиц разрывает детский крик, становится ясно: угроза пришла не извне. Она пробудилась здесь, внутри их дома. Из самой сердцевины магии, которую они так долго покоряли. Чтобы спасти то, что построено ценою миллионов жизней, старым героям придётся вновь стать воинами и задать себе страшный вопрос: что страшнее — угроза пришедшая извне или тот идеальный мир, что начинает сам пожирать тебя? Наступает новый виток Эры Строгости.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Aki Latus

Маг, разрывающий на куски

Глава 1

Артём проснулся от того, что в щель между плотными шторами пробился тонкий-тонкий утренний луч света.

Он лежал на спине и ещё несколько мгновений просто смотрел в потолок своей спальни, высеченной из тёплого, золотисто-белого камня и украшенной ненавязчивым узором из переплетающихся линий – не магических рун, а просто красивой резьбы, напоминающей ветви деревьев. Воздух в комнате был прохладным и свежим, пахнувшим едва уловимо сандалом и чистотой.

Благодать... – Пронеслось в голове у сонного и расслабленного мужчины.

Он медленно повернул голову на подушке. Рядом, уткнувшись носом в его плечо, спала она... София.

Её роскошные, волнистые, белые как первый снег волосы растрепались по подушке, словно причудливое, серебристое облако. Одна прядь упала ей на щеку, и теперь её кончик слегка колыбался в такт её ровному, спокойному дыханию. Волосы, такие светлые и пушистые, лежали на её румяных щеках, а губы, спелые и розовые даже во сне, были слегка приоткрыты.

Артём почувствовал, как в груди, прямо под рёбрами, что-то сладко и тепло сжалось. Он осторожно, чтобы не потревожить её сна, повернулся на бок лицом к ней, подобрал под себя ноги и мягко, всей своей высокой фигурой, пододвинулся к её тёплой спине. Он обнял её одной рукой, нежно опустил ладонь на её живот. Сквозь тончайшую ткань ночной сорочки из белого шёлка ощущалась мягкость, тепло и жизнь. Он зажмурился от этого ощущения тихого счастья и начал медленно, едва касаясь ткани, выводить круги на животе любимой.

– М-м-м... – тихо пробурчала себе под нос София, а после слегка шевельнулась, но не проснулась... Её брови чуть нахмурились.

– Софочка, – прошептал Артём прямо ей на ушко. – Солнышко. Пора вставать.

– У-у-гу... – был дан ему нечленораздельный ответ. София попыталась вжаться в подушку глубже, попутно укутываясь в одеяло.

– Сегодня же важный день, милая, – продолжал Артём, не повышая голоса, но вкладывая в него настойчивую, ласковую ноту. Он поцеловал её в щёку. – Приём в Академию. Первый поток в этом году. Нам обоим нужно быть в форме. Тебе – встречать будущих архитекторов материи, мне – толпе юных честолюбцев объяснять, что могущество это не только сила, но и ответственность. Встаём, красавица. Вста-ём.

София в ответ издала неразборчивый звук: что-то среднее между мычанием и ворчанием, а после решительно отстранила его руку и, перевернувшись на другой бок, спиной к нему, натянула на себя одеяло с таким видом, будто собиралась законсервироваться в нём до следующего лета.

Артём тихо рассмеялся, чувствуя, как хорошее утреннее настроение наполняет его с ног до головы. Он приподнялся на локте и посмотрел на этот бугорок из одеяла и торчащие из него пряди белых волос.

– Ну что ж, – сказал он с напускной строгостью. – Если мирные переговоры провалились, перехожу к нечестной игре, дорогая! Я тебя предупреждал...

Бугорок из одеяла не пошевелился, выражая молчаливый, но упрямый протест.

Артём вздохнул с преувеличенной скорбью, откинул своё одеяло в сторону и в одном лёгком, точном движении обрушился на жену. Он ухватил её за бока сквозь одеяло и пустил в ход пальцы, впиваясь ими в нежные бока.

Эффект был мгновенным и сокрушительным.

– А-а-ай! – София буквально подпрыгнула на кровати, как кошка, которой наступили на хвост. Одеяло тут же полетело прочь. – Артём! Прекрати! Ай! Ха-ха-ха! Нет! Подлец! Га-га-стоп! ОСТАНОВИ-И-ИСЬ!

Она билась, смеясь и всхлипывая одновременно, пытаясь вырваться из цепой хватки мужа, но он, смеясь уже по-настоящему, удерживал её, не причиняя боли, но и не давая скрыться. Её лицо покраснелось, глаза, ярко-синие, как незабудки, наполнились слезами смеха.

– Сдаёшься? – допрашивал он её, не ослабляя хватки.

– Да! Да, чёрт тебя дери! Сдаюсь! ПОЩАДЫ, АРТИ! – выдохнула она, и он отпустил её.

София откатилась на край кровати, села, отдышалась и негодуяще посмотрела на него. Её взгляд выражал самую чистую, неподдельную обиду. Щёки горели румянцем, волосы были в полном беспорядке, а сорочка съехала на одно плечо.

– Это низко, – провозгласила она с достоинством оскорблённой королевы. – Самое низкое, что только можно придумать. Воспользовался тем, что я беззащитна!

– Я звал тебя мирно, – парировал Артём, сидя напротив неё и улыбаясь во всё лицо. – Но ты осталась равнодушна к моим доводам, родная.

София фыркнула, но в её глазах уже разгорался бесовской огонёк... Она резко взмахнула рукой, совершив лёгкий, почти невесомый жест, и одеяло, лежавшее скомканное на полу, вдруг взметнулось в воздух. Оно выпрямилось, натянулось, как парус, и с мягким шуршанием набросилось на Артёма, пытаясь укутать его с головой, прижимая к кровати.

– Эй! – фальшиво возмутился Артём, отбиваясь от настойчивой ткани. Он вяло и игриво барахтался в её складках, делая вид, что не может выбраться. – Это что ещё за методы, милая? Магию в бытовые разборки пускаешь? Это уже не по правилам!

– Какие ещё правила? – с неподражаемым кокетством ответила София, уже вставая с кровати. Она легко поправила сорочку – её движения были плавными, полными скрытой грации. – Ты это начал, милый. Я просто продолжила. Всё честно.!

И, прежде чем он успел нанести ответный удар, она повернулась и ушла в ванную, оставив дверь приоткрытой. Но её работа на этом не закончилась. Когда Артём наконец высвободил голову из объятий одеяла, он увидел, как простыни и наволочки на кровати сами собой зашевелились, расправились, сложились в аккуратный квадрат и улетели в сторону гардеробной, откуда через секунду вернулись уже свежие. Одеяло, только что атаковавшее его, смиренно улеглось на место и аккуратно заправилось в пододеяльник само. Подушки взбились в воздухе и мягко плюхнулись в изголовье.

Всё это заняло не больше десяти секунд. В комнате воцарился идеальный порядок.

Артём же так и сидел посреди кровати, слегка растрёпанный, и смотрел на эту маленькую демонстрацию власти своей жены над неживой материей.

Он не мог не восхищаться этим. В её магии не было грубой силы, только изящное, точное и немного ироничное над ним мастерство.

Он услышал, как в ванной включилась вода. Из-за двери донёсся лёгкий, почти беззвучный, знакомый гул магического водовода.

Его взгляд невольно упал на шкаф, дверца которого в этот же миг тихо отворилась, и оттуда, плавно, как на невидимых нитях, выплыла его одежда на сегодня: тёмно-серая, почти чёрная рубашка из плотного шёлка и простые брюки того же цвета. Они опустились на край заправленной кровати и на мгновение... ожили. Рубашка легла складками, образуя чёткие буквы: «Н А Х А Л».

Артём расхохотался. Затем ткань снова взметнулась, перевернулась в воздухе и аккуратно, идеально разглаженная, уложилась стопочкой.

– Могла бы и просто сказать «спасибо за побудку»! – крикнул он в сторону приоткрытой двери.

Из ванной донёсся сдавленный смех, тут же прерванный недовольным:

– Иди готовь завтрак, будильник ходячий!

Артём улыбнулся ещё шире.

Он был счастлив. Просто, глупо, по-утреннему счастлив. Это чувство было тёплым и плотным, как хороший плед. С самого утра мужчину наполняли силы и это утреннее представление ещё больше подняло его и так прекрасное настроение.

Он медленно сполз с кровати, прошлёпал босиком по прохладному, гладкому полу из полированного камня к стопке одежды и начал неспешно одеваться.

После рубашки и брюк он подошёл к стоящему в углу манекену, на котором висела его мантия.

Она была длинной, до пола, сотканной из тяжёлой ткани глубокого синего цвета, отливающего при движении стальным блеском. По краям шёл узор из тончайших серебряных нитей – стилизованные звёзды и древние, упрощённые символы стихий.

Сам Артём не был любителем пышности, но сан верховного архимага Академии обязывал к определённому церемониалу, особенно в день приёма поступающих. Одним лёгким движением он накинул мантию на плечи, почувствовав её привычный, весьма тяжёлый вес. Пряжка на груди – простой серебряный круг с инкрустированным в него кристаллом, застегнулась сама собой, отозвавшись на лёгкое касание его маны.

Уже облачённый, он вышел из спальни в небольшую, уютную гостиную их квартиры в верхнем ярусе Колизея, а оттуда прошёл уже на кухню. Здесь было светло от огромного окна, выходявшего не на внешний мир которого внутри Колизея его не было, а на внутренний атриум – гигантское пространство, залитое мягким золотистым светом магических солнц, висящих под самым куполом, и утопающее в зелени висячих садов.

Но сегодня Артём не смотрел в окно. Его ждала совершенно другая, не менее важная миссия.

Он тихо посмеивался про себя, открывая шкафчики.

Вот она, истинная мощь, – думал он, доставая сковороду с идеально гладким, холодным покрытием. – Повелитель магических дисциплин, хранитель знаний, один из сильнейших магов Империи... стоит у плиты, потому что его гениальная супруга, способная из груды глины и камня создать послушного слугу, на кухне представляет собой стихийное бедствие в мини-атюре.

Мысль о том, как он, Артём, подаст ей завтрак со словами:

– Кушай, дорогая, это тебе лично от Архимага! – заставила его усмехнуться.

Конечно, вместо благодарности он услышит в лучшем случае: «Опять хлеб пережарил», или «Соль забыл», или «Масла мало». Его кулинарные подвиги были постоянным источником лёгких, добрых поддразниваний.

Ладно, – решил он, открывая холодильник. – Сегодня сыграю наверняка.

Мгновенный, слишком яркий, почти ослепительный всполох магического холода вырвался из холодильника, заставив его на секунду зажмуриться. В воздухе запахло морозом. Артём нахмурился, но не из-за света.

Точно же, – вдруг вспомнил он. – Это же сегодня... Очередной выброс.

Раз в несколько месяцев, с непостоянной, но пугающей регулярностью, небо над всей планетой вспыхивало золотым светом. И вся магия в мире на короткое время... сбоила. Искрила, капризничала, становилась непредсказуемой.

Вот сейчас, например, печати на холодильнике светились ярче. Големы могли замереть на секунду. А простые заклинания и вовсе давали осечку...

Но для него – Артёма – это всегда было благое и в то же время грустное напоминание. Единственное за последний год прямое, пусть и безличное, напоминание о том, кто всё ещё был где-то здесь. Вместе с ними. Кто создал нынешние законы и кто, видимо, иногда сам не выдерживал их бремени.

«Верховный» или «Хозяин» – сейчас его уже почти не называли по изначальному прозвищу даже мысленно. Для всех он был уже просто непреложным фактом, как восход солнца... Но в дни выбросов этот факт ощущался кожей, виделся в сполохах вышедшей из-под контроля магии.

А ведь раньше...

Артём встряхнул головой, отбрасывая мрачную мысль.

Не сегодня, – строго сказал он себе. – Сегодня важный день. Ничто не должно его омрачить.

Он сосредоточился на завтраке. Из холодильника он извлёк небольшой, аккуратный брикет нежного паштета из печени куропатки – деликатес, который София просто обожала. Со второй он полки достал хлеб – свежий, ещё тёплый, с хрустящей корочкой, принесённый утром беззвучными слугами-големами.

БУТЕРБРОДЫ.

Гениально и беспроектно. Хлеб, паштет, может, немного зелени с оконного горшочка. Ничего не нужно жарить, солить, рисковать собственной репутацией...

Он тут же принялся за дело, и вскоре на столе уже стояли два аккуратных блюда, на каждом по паре аккуратных бутербродов, украшенных веточкой петрушки. Чайник на магической плитке зашипел, возвещая о готовности.

И в этот момент из ванной вышла София.

Она была уже одета в лёгкое платье цвета морской волны, простое по крою, но сидевшее на ней просто безупречно, подчёркивая и стройность стана, и плавную линию бёдер.

Её белые волосы были ещё влажными и убраны в небрежную, но очаровательную причёску – часть их была собрана на затылке, а несколько прядей выбивались, обрамляя лицо. А ещё она не пользовалась косметикой – её кожа и так была безупречной, а яркость глаз и губ не требовала подчёркивания. Она до сих, даже столько лет спустя была... девушкой. Юной, цветущей, полной жизни.

Лишь глубина взгляда и спокойная уверенность в движениях выдавали в ней не просто красавицу, а могущественного мага, прожившего бок о бок с ним долгую, насыщенную жизнь.

Артём, стоя у стола, застыл на мгновение, просто глядя на неё. Потом улыбнулся, и в его улыбке скрывалась вся нежность этого мира.

– Ты у меня самая красивая, солнышко, – сказал он просто, без пафоса, констатируя факт.

София остановилась, и по её щекам, шее, самым кончикам ушей разлился прелестный, нежный румянец. Она опустила глаза, что-то неразборчиво пробормотала вроде: «

– Ну вот, опять начинается... – но уголки её губ неудержимо поползли вверх.

Артём наслаждался этим зрелищем. Она была прекрасна в своём смущении, в этой мгновенной потере всей своей магической неуязвимости и превращении просто в смущённую, любящую женщину.

– Завтрак готов, ваше величество, – объявил он, с комическим поклоном указывая на стол.

София с видом неприступной императрицы, снизошедшей до трапезы с простолюдином, проследовала к столу и села. Но едва её взгляд упал на Артёма, как эта маска мгновенно спала. Она встала, подошла к нему и, встав на цыпочки, ловко поправила ворот его рубашки, который слегка завернулся под мантию.

– Вечно ты... – прошептала она, проводя ладонью по ткани его груди, и в её прикосновении была забота, тысячу раз более красноречивая, чем любые слова.

Затем, с торжествующим видом исполнившей свой супружеский долг королевы, она снова уселась за стол.

Они завтракали в тишине, изредка перебрасываясь взглядами. Артём пил чай, наблюдая, как София с явным удовольствием откусывает кусок от бутерброда. Он поймал себя на мысли, что это простое, бытовое счастье – сидеть с любимой женщиной за утренним столом – было, возможно, величайшим чудом из всех, что подарила ему жизнь. Большим, чем любая магия и любая власть.

После завтрака он помог ей накинуть лёгкую, шёлковую накидку, защищавшую от прохлады внутренних коридоров Колизея. Его пальцы застегнули крошечную застёжку у неё на шее, и это прикосновение было ещё одним безмолвным «я люблю тебя».

Наконец, они были готовы. Артём взял Софию под локоть, почувствовав под ладонью изящество и твёрдость её руки, а после открыл тяжёлую, резную дверь их квартиры.

И они вместе шагнули наружу, не в солнечный день или ветреное утро, а в вечный, величественный полумрак внутреннего пространства Колизея. Широкий проход, освещённый мягким светом магических люстр, уходил в обе стороны, растворяясь в дали. Воздух здесь был немного прохладным и пах камнем, цветами и ненавязчивым ароматом чего-то... Сладкого. Где-то вдали, за многими стенами, уже слышался глухой, нарастающий гул – голоса сотен абитуриентов, собравшихся в Главном Атриуме.

Артём взглянул на Софию. Она встретила его взгляд и легонько кивнула, её глаза сияли решимостью и лёгким, азартным волнением.

День только начинался.

И этот день уже был прекрасен.

Глава 2

Широкий коридор, ведущий к ложе архимага, как и всегда казался бесконечным.

Высокие своды терялись в полумраке где-то на головокружительной высоте, и только редкие шары холодного золотого света, парящие в воздухе, освещали путь, отбрасывая причудливые тени на стены из полированного камня. Всё здесь было особенным — памятью о великой былой мощи.

Артём шёл под руку с Софией, чувствуя лёгкую дрожь её предплечья. Не страх — волнение. То самое, благородное напряжение перед выходом на сцену, когда адреналин бодрит ум и заостряет восприятие. Его же собственное сердце билось ровно. Привыкло за десятилетия ко всем этим церемониям и речам. Но сегодняшний день был особым...

Сто лет.

Целая эпоха!

— Не переживай, — он наклонился к ней, и его шёпот был едва слышен даже в этой гробовой тишине коридора. — Они будут смотреть на тебя, а не слушать слова. Как и всегда.

София слегка толкнула его локтём в бок, но уголки её губ задрожали, сдерживая улыбку.

— Это я должна успокаивать тебя перед ежегодным спектаклем с вызовом, — прошептала она в ответ. — Может, в этом году бросишь эту затею? Просто произнеси речь и всё. Все и так будут в восторге, любимый.

Артём покачал головой, и в его глазах на мгновение мелькнула та самая, знакомая лишь ей одной тень — смесь упрямства и тихой, личной тоски.

— Нет, — сказал он просто. — Я должен попробовать. Как и всегда — должен.

Они подходили к огромным, двойным дверям в конце коридора. Они были выполнены из чёрного дерева, инкрустированного серебром и перламутром, с изображением древа познания, чьи ветви и корни терялись в замысловатых узорах по краям створок. Рядом с ними, неподвижный, словно часть интерьера, стоял голем.

Он был чуть выше человеческого роста, его тело, высеченное из тёмно-серого, почти чёрного сланца, отражало тусклый свет искусственных солнц потолка. Черты лица были лишь схематичными, но не лишёнными своеобразной строгой красоты — высокий лоб, прямые линии скул, гладкие впадины на месте глаз, в которых горели два неподвижных изумрудных огонька. На его груди был высечен символ Академии — раскрытая книга, над которой парила корона из звёзд.

Этот голем не был простым слугой.

Это был ещё страж — одно из первых и самых сложных творений ранней Академии, лично активированных самим Артёмом почти девяносто лет назад. Его разум, если это можно было так назвать, был лишён эмоций, но обладал высочайшей аналитической способностью и беспрекословной преданностью своему создателю.

Когда Артём и София остановились в шаге от дверей, изумрудные огоньки в глазницах голема вспыхнули ярче. Его голова повернулась с едва слышным щелчком, фиксируя взгляд на спутниках.

— Верховный Архимаг, — прозвучал голос. Он был неожиданно глубоким и бархатистым для каменного существа, но лишённым тембра живого человека. — Ректор Академии Архитекторов Материи, София. Ваше появление зафиксировано. Время до начала церемонии: семь минут.

Артём привычно кивнул ему.

— Доложи об обстановке в Атриуме.

Изумрудные огни замигали, отправляя запросы внутренней сети наблюдения Колизея.

— В главном Атриуме собрано девятьсот восемьдесят три абитуриента текущего набора, — отчеканил Голем. — Присутствуют все двенадцать магистров основных кафедр, тридцать четыре профессора и полный состав служителей-големов церемониального корпуса. Эмоциональный фон абитуриентов: повышенный, в допустимых рамках. Преобладают ожидание, волнение, благоговение. Зафиксированы единичные случаи панических атак, купированных наставниками. Общественные волнения отсутствуют. Ситуация полностью контролируема. Системы жизнеобеспечения и безопасности функционируют в штатном режиме.

Артём почувствовал, как София слегка расслабилась под его рукой. Големы никогда не ошибались в таких оценках.

— Хорошая работа, — сказал Архимаг. — Объяви наше появление. Стандартный протокол.

— Принято к исполнению, — ответил Голем. Его изумрудные глаза погасли на мгновение, а потом вспыхнули снова. — Сигнал передан в аудиосистему Атриума.

Он сделал шаг в сторону, и тяжелые двери беззвучно поползли в стороны, открывая проход. За ними был небольшой, затемнённый коридор, а уже дальше — сама Ложа, скрытая от глаз наблюдателей Атриума тончайшей завесой магического барьера.

Голем повернулся и прошёл через завесу первым. Артём и София остались в полумраке, слыша нарастающий, приглушённый стеной гул голосов — рокот тысячи молодых жизней, собравшихся внизу.

И тут по всему пространству главного Атриума, от самого купола до каменного пола, раздался тот же бархатистый, синтезированный голос:

— Внимание. Приветствуйте Верховного Архимага Академии, Хранителя Дисциплин, Артёма и его супругу — Ректора Академии Архитекторов Материи, Софию!

На долю секунды воцарилась оглушительная тишина. А потом Атриум взорвался.

Звук оказался физически ощутимой волной, докатившейся даже до укрытия Артёма и Софии... Это были не просто крики, а единый, мощный, ликующий рёв. Сотни голосов слились воедино, выкрикивая их имена, приветствия, даже молитвы! Артём почувствовал, как по его спине пробежали мурашки — не от страха, а от осознания этой силы. Силы веры, надежды, направленной на НИХ. На НЕГО. На НЕЁ...

Он взглянул на Софию. Её лицо было сосредоточенным, спокойным, но в синих глазах горел тот самый «бесовской огонёк», который он так обожал.

Она была готова.

— Поехали, солнышко, — сказал он, и они шагнули вперёд, сквозь мерцающую завесу.

Свет тысяч сияющих под далёким потолком сфер тут же обрушился на них!

Главный Атриум Колизея был чудом, не уступавшим самым смелым легендам о древних цивилизациях... Пространство диаметром в полкилометра уходило ввысь на сотни метров, к самому куполу, который сегодня был не каменным, а иллюзорным — на нём плыли искусственные облака в лучах столь же искусственного утреннего солнца. Ярусы трибун, высеченные из того же золотисто-белого камня, что и всё Колизее, спускались амфитеатром к центральной платформе. И все они сейчас были заполнены до отказа. Молодые лица, полные надежды, восхищения, страха.

Разноцветные одежды — ещё не мантии, но уже и не простая гражданская одежда. И глаза... Тысячи глаз, устремлённых на них.

Артём и София вышли на край просторной ложи, расположенной на уровне второго яруса, прямо напротив центральной платформы. Они стояли, слегка возвышаясь над морем людей, и Артём поднял руку в простом, но властном жесте.

Рёв начал стихать, сначала превращаясь в гул, потом в шёпот, и наконец — в ту самую, гробовую, полную ожидания тишину.

Артём улыбнулся.

Не широко, искренне — той самой, сдержанной улыбкой лидера, который рад видеть свою паству. Он почувствовал, как мана в Атриуме заколебалась, отозвавшись на его присутствие. Сейчас она была особенно густой, насыщенной эмоциями собравшихся — идеальным топливом для магии.

Он опустил руку и сделал свой следующий шаг.

Всё его существо, вся воля и разум — сконцентрировались в едином порыве. Он не произносил заклинаний вслух. Ему это было не нужно. Он был одним из первых магов золотого поколения. Он был одним из тех, кто колдовал без заклятий. А потому...

ОН ЖЕЛАЛ. И мир подчинялся его желаниям.

На трибунах, прямо из воздуха среди ошеломлённых абитуриентов, начали материализоваться призрачные фигуры. Сначала сотни. Потом тысячи. Они были полупрозрачными, сотканными из мерцающего синего сияния.

Это были силуэты магов. Разных эпох. В робах и современных мантиях. В классических костюмах и простой одежде. С посохами и без. Мужчины, женщины, даже дети с ореолами неистраченного потенциала.

Это было эхо — воспоминания лично Артёма, призванные из самого потока магической истории, хранимой в нём. Они не обладали разумом, но несли в себе отпечаток знаний, эмоций, свершений тех, кого когда-либо помнил этот мужчина.

Призрачные маги быстро заполнили пространство между ярусами, образуя живую, мерцающую стену. Они парили прямо в воздухе, и от них исходил тихий, многоголосый хор — отголоски древних заклинаний, споров, радостей открытий, битв...

Абитуриенты замерли, заворожённые этим зрелищем. Многие плакали, не стесняясь слёз, замечая среди призраков знакомых кумиров, которых уже не было в живых.

И тогда в дело вступила София.

Она не сделала ни одного жеста. Просто слегка выпрямилась, и её воля, отточенная десятилетиями работы с самой материей, пронеслась по заранее обозначенным магически каналам.

По всему периметру Атриума, в специальных нишах, скрытых декоративной резьбой, загорелись тысячи глаз. Сотни пар светящихся точек — сапфировых, рубиновых, аметистовых — наполнили зал переливающимися цветами.

А после из этих ниш шагнули наружу големы.

Их формы были причудливыми, прекрасными и странными.

Одни напоминали античные скульптуры с идеальными пропорциями, но сделанными из полированного мрамора, по которому струились живые прожилки малахита или лазурита. Другие были абстрактными композициями из парящих геометрических фигур, связанных лучами света. Третьи — стилизованными животными: грифонами из позолоченной бронзы, драконами с чешуёй из перламутра, фениксами, чьи крылья были сложены из настоящих, магически законсервированных перьев.

Это были творения кафедры Софии. Не солдаты и не слуги. Настоящие произведения магического искусства и инженерной мысли, воплощённые в камне. И каждый из них нёс в себе ядро стихии.

По команде, переданной без слов, они двинулись к центру Атриума.

И тогда это началось...

Первый голем, мраморный титан с лазурными прожилками, поднял руку к далёким сводам Колизея. Из его ладони с тихим шипением вырвался поток чистой, хрустальной воды, который не падал, а извивался в воздухе, словно живой змей, образуя сложные арки, спирали, фонтаны, которые застывали на мгновение, сверкая в искусственном свете, прежде чем рассыпаться на миллионы бриллиантовых брызг и испариться.

Второй — композиция из вращающихся золотых сфер — внезапно ослепительно вспыхнул. От него во все стороны ударили лучи чистого пламени — но огня не разрушения, а тво-

рения. Они сплетались с водяными потоками, создавая радужные облака пара, из которых тут же начинали расти кристаллы инея, немислимых, фантастических форм.

Третий — перламутровый дракон — величественно взмахнул крыльями. И по всему Атриуму прокатился ветер, наполненный музыкой. Он выл басовыми нотами старинных труб, шелестел, как струны арфы, звенел, как колокольчики. Он подхватывал испаряющуюся воду и пляшущие искры пламени, кружа их в гигантском, сияющем торнадо, в сердце которого уже начинали формироваться крошечные, идеальные листья и цветы из сгущённого света.

Стихия земли отозвалась последней. Каменный пол под центральной платформой заколебался, трансформируясь. Из него вверх поднялись скульптуры — не грубые идола, а изящные, абстрактные формы, повторяющие узоры на стенах и сводах.

Они росли, переплетались друг с другом, создавая арки, колоннады, целые миниатюрные замки, которые через мгновение снова уходили в камень, уступая место новым чудесам.

Стихии танцевали.

Огонь, Вода, Воздух, Земля, Свет и многие другие — не враждовали, а гармонично дополняли друг друга в руках искусных мастеров. Это был гимн самой магии, демонстрация её созидательной, а не разрушительной силы.

Искусственное небо купола озарялось тысячами разноцветных вспышек — отражениями, эхом, световыми аккордами этого грандиозного симфонического представления.

Артём стоял, наблюдая за этим представлением, и чувствовал гордость. Он чувствовал не только восторг толпы, но и нечто большее. Тонкую, едва уловимую нить, что связывала его с каждым из этих големов, с каждым мерцающим призрачным магом. Он был якорем, каналом, через который проходила вся эта мощь. И с каждым таким действием, с каждой церемонией, он чувствовал, как его собственная мана, его связь с потоками силы мира, становятся чуточку глубже, прочнее, объёмнее. Как и у Софии рядом. Их силы уже многие годы росли не в битвах, а в этих актах совместного, гармоничного творения. В управлении, в созидании, в служении идее.

Представление длилось несколько минут, но для зрителей оно промелькнуло, как один невероятно прекрасный, полный сказочной красоты миг.

И когда последний кристалл инея растаял, последняя каменная арка опустилась под пол, а последний призрак растворился в сиянии, воцарилась тишина... Но теперь это была тишина абсолютного, потрясённого благоговения.

И в этой тишине Артём сделал то, что делал каждый год. Ту самую «затею», о которой говорила София и которую он мечтал осуществить с восьми лет...

Он закрыл глаза.

Отбросил прочь всё, что было сейчас лишним: шум крови в ушах, тепло руки жены рядом, ощущение тысячи взглядов. Он углубился внутрь себя, туда, где хранился не его личный дар, а нечто большее — отпечаток. Отпечаток присутствия. Того самого, что он чувствовал в дни ужаса, неопределённости и катастроф, непрерывно следующих друг за другом, но в миллион раз более явного, живого, всеобъемлющего.

Он вспомнил.

Не образ — образ Великого был неуловим. Он вспомнил ощущение. Давление в воздухе, предшествующее грому. Холод абсолютной, безразличной воли. Свет, который не освещает, а определяет сам факт существования всего остального.

И он попытался это вызвать.

Не бога. Не Хозяина. А хотя бы его принцип. Самый фундаментальный закон этой новой реальности.

Мана в Атриуме среагировала мгновенно. Из лёгкой, наполненной эмоциями дымки она превратилась в густой, тягучий сироп... Воздух стал плотным, им стало тяжело дышать. Свет от шаров иллюзорных светил померк, будто его затмила невидимая тень. Весь Колизей, всё это

гигантское, живое сооружение, замерло... Замерли даже Големы, застывшие в своих нишах с потухшими глазами.

На трибунах многие ученики ахнули, а потом, охваченные инстинктивным, животным ужасом смешанным с экстазом и подавленные чудовищной маной, попадали ниц, уткнувшись лицами в камень. Магистры и профессора, те, кто понимал, что происходит, но не могли противостоять этому ПРИСУТСТВИЮ, медленно, с величайшим почтением опустили на одно колено, склонив головы.

И в самой высшей точке купола, прямо под его вершиной, пространство задрожало. Оно не разорвалось — оно прогнулось, как тонкая плёнка под тяжестью дождевой воды...

И в этой точке прогнувшейся реальности зажглись два глаза.

Огромных. Несоизмеримо больших даже для этого гигантского зала.

Они были сотканы из чистого, холодного, абсолютного золотого света. В них не было ни зрачков, ни белков — только две бесконечные, сияющие сферы, взирающие вниз, на всё это собрание, с безразличием, которое леденило душу.

Это был не образ Великого. Это была идея одного только его ВЗГЛЯДА. Память нынешнего мира о том, как на него смотрит его создатель.

Артём стоял, застыв в напряжении, а его собственный пот стекал по вискам. Он чувствовал чудовищное давление. Он пытался удержать эту идею, стабилизировать её, дать ей форму, пусть даже иллюзорную... Он хотел, чтобы ученики увидели. Чтобы они поняли, к чему нужно стремиться. Чтобы у них был ОБРАЗ.

И чтобы доказать самому себе, что он хотя бы приблизился к своей далёкой мечте...

Но это было всё равно что пытаться удержать в ладонях океанскую волну или вдохнуть в себя всё небо.

Глаза вверх моргнули. Один раз. Медленно, величаво.

И в этот миг связь, которую с таким трудом выстроил Артём, разорвалась. Не со щелчком или звоном, а с тихим, всепроникающим вздохом — словно сам мир разочарованно выдохнул, глядя на потуги неразумно мальчика.

Золотые глаза дрогнули, их контуры поплыли, растворились в сияющем тумане и исчезли, словно мираж в пустыне.

Давление чудовищной магии исчезло. Мана снова стала лёгкой, послушной. Свет вернулся. Големы в нишах снова зажгли свои глаза.

Тишина в Атриуме стала иной. Не благоговейной, а смущённой, растерянной. Подмастерья поднимались с пола, озираясь. Магистры вставали с колен, обмениваясь понимающими, чуть грустными взглядами.

Они видели это каждый год. И каждый год это заканчивалось одинаково.

Артём открыл глаза.

В его груди было пусто и холодно. Огорчение, знакомое, как старая рана, сжало сердце.

Опять. Снова не смог. Не достиг... Не дотянулся...!

Он так и не стал достаточно силён.

За целую сотню лет — ни на йоту не приблизился к тому, чтобы действительно понять, а не просто слепо скопировать отголосок Великого.

Тёплое, нежное прикосновение внезапно обхватило его локоть. София прижалась к нему всем телом, её рука легла поверх его руки, сжимавшей перила ложи.

Она не сказала ни слова. Её прикосновение говорило само за себя: Я здесь. Ты не один. Всё это не так важно. Ты и так велик для меня, милый.

Это простое, человеческое тепло, эта безоговорочная поддержка растопили лёд в его груди.

Артём глубоко вздохнул, выпрямился и повернул голову к ней. Их взгляды встретились. В её синих глазах не было ни жалости, ни разочарования. Только любовь и полное принятие.

Он улыбнулся ей. Искренне, по-настоящему. Потом обернулся к залу, к поднимающимся, смущённым, но всё ещё полным надежды молодым лицам.

— Поднимитесь! — сказал он, и его голос, тёплый и твёрдый, заполнил Атриум без всякого усилия. — Поднимитесь и смотрите. Все вы — здесь. Вы — будущее магии. И сегодня начинается ваш путь.

Его слова сняли последнее напряжение. Студенты поднялись с пола, их глаза снова зажглись. Теперь в них читался не просто фанатизм, а нечто большее — благодарность, преданность, желание доказать, что они достойны даже этой неудачи своего Архимага. Они видели, как он стремился к недостижимому, и это делало его в их глазах не богом, а героем. Тем, кто указывает путь, даже сам не дойдя до конца.

Артём сделал паузу, позволяя всем успокоиться, собраться с мыслями.

— Дорогие друзья, — начал он, и его голос приобрёл ораторские, плавные интонации. — Будущие маги, исследователи, творцы. От имени всей Академии, от имени всех её кафедр и магистров, я рад приветствовать вас в этих стенах. Я вижу в ваших глазах огонь — тот самый, что когда-то зажёгся и в моих, и в глазах тех, кто сейчас учит вас. Я искренне верю в безграничный потенциал, заложенный в каждом из вас.

Он обвёл взглядом зал, встречаясь глазами с десятками, сотнями взглядов.

— Здесь, в этих залах, под этими сводами, вы получите всё, что необходимо для развития вашего дара. Не просто силу — понимание. Не просто технику — философию. Вы будете учиться не только управлять маной, но и слышать её голос, понимать её язык, уважать её законы. Законы, данные нам для созидания, а не только для разрушения.

Он начал рассказывать. О победах Академии. О открытиях, изменивших жизнь в Империи: о саморегулирующихся агросекторах, питающих целые города, о магических проводниках, связавших отдалённые поселения в единую сеть, о новых методах лечения, спасающих тех, кого раньше сочли бы безнадежными. Он говорил о выпускниках, ставших архитекторами новых городов, стражами порядка, исследователями границ возможного.

— Наша Академия, — его голос зазвучал гордо, — занимает почётное и значимое место во всём мировом сообществе. И это не просто слова. Это факт, выкованный трудом многих поколений. Потому что мы — первые. Первая Академия магии, основанная самим Великим Хозяином в первые годы после Установления Порядка. Эти стены помнят его волю. Эти камни пропитаны его силой. И каждый из вас, ступив сюда, стал частью этой великой традиции.

Он сделал паузу, более долгую, драматичную.

— Но этот год... этот год является особенным. Сегодня мы отмечаем не просто очередной приём. Сегодня исполняется ровно сто лет. Сто лет с момента «Исхода Технологий» и начала нашей «Эры Строгости».

В зале пронёсся сдержанный, многоголосый вздох. Для этих юных магов сто лет были целой вечностью, древней историей, окутанной туманом мифов и официальных хроник. Но сам факт, сама круглая дата звучала весомо.

— Сейчас мы живём в мире, построенном на новых принципах, — продолжал Артём, и в его голосе появились металлические нотки. — Принципах разумного ограничения, гармонии с природой магии, высшей ответственности за свой дар. Мы помним цену, заплаченную за стабильность. И наша задача — не просто жить в этом мире, но и беречь его, развивать, делать сильнее и прекраснее. Ваша задача — продолжить это дело. Найти свой путь в строгих рамках закона и раскрыть в них безграничность творчества.

Он закончил свою речь простым, но сильным жестом — раскрыл руки, как бы заключая в объятия весь зал.

— Добро пожаловать домой. Добро пожаловать в будущее, юные маги!

Аплодисментов не последовало. Был момент полной, сосредоточенной тишины. А потом зал взорвался не криками, а низким, мощным, единым гулом одобрения. Это был звук, полный не истерики, а глубокого уважения и принятия великой миссии.

И тогда вперёд, к краю ложи, плавно вышла София.

Артём отступил на шаг, уступая ей центр.

Он смотрел на неё, только на неё, и в его взгляде растворялось всё неважное — и огорчение от неудачи, и усталость от церемонии. Сейчас он просто любовался. Тем, как она держится — с достоинством, но без высокомерия. Тем, как свет играет в её серебряных волосах. Тем, как её глаза, синие-синие, видят не толпу, а каждого отдельного человека в ней.

— Дорогие мои, — начала София, и её голос, чистый и звонкий, как горный ручей, заполнил пространство, найдя путь к сердцу каждого. — Когда я смотрю на вас, я вижу не только новых учеников. Я вижу отражение... своего прошлого.

Она позволила лёгкой, тёплой улыбке тронуть свои губы.

— Много лет назад, когда не было этих сияющих залов, а были только страх, гонения и убежища, мой отец, Георг, привёл нашу семью сюда. В Магическую Империю. Он был не могучим воином и не великим учёным. Он был просто человеком, который любил свою семью и верил, что где-то есть место, где его дочь сможет быть собой. Не скрываться. Не бояться.

Она говорила тихо, почти интимно, но каждый её слог был отчётливо слышен в мёртвой тишине Атриума.

— Он стал одним из основателей кафедры ментальных магов. Он верил, что самая важная магия — это магия ума, понимания, сострадания. И он был прав. Потому что магия... — она сделала паузу, подбирая слова, — магия — это не просто сила. Это великое благо. Бремя и дар одновременно. Каждый из вас, носящий в себе искру маны, — не избранный. Вы — ответственные. За себя. За тех, кто рядом. За этот мир, который дал нам приют и свои законы.

Она посмотрела вверх, туда, где минуту назад сияли золотые глаза.

— Мы все стремимся к величию. К пониманию. К тому, чтобы однажды... если не сравняться, то хотя бы приблизиться к тому уровню осознания и могущества, которое олицетворяет собой Великий. Но этот путь начинается не с грандиозных заклинаний. Он начинается здесь. С умения услышать шёпот камня. С терпения, чтобы вырастить кристалл. Со смелости, чтобы заглянуть в бездну собственной души и не содрогнуться. Ваша сила будет расти вместе с вашей мудростью. И наша Академия, все мы, магистры и профессора, будем рядом, чтобы направлять вас.

Она выпрямилась, и в её осанке появилась та самая, ректорская твёрдость.

— И потому, в соответствии с традицией и доверенной мне властью, я, София, Ректор Академии Архитекторов Материи, нарекаю всех собравшихся здесь абитуриентов — Подмастерьями Академии! Пусть ваш путь будет светлым, ваши ошибки — поучительными, а ваши успехи — вдохновляющими для тех, кто придёт после вас!

Её последние слова повисли в воздухе на долю секунды.

А потом тишина взорвалась окончательно и бесповоротно. Это уже были не сдержанные голоса, а настоящая БУРЯ! Аплодисменты, крики, свист, смех, слёзы радости. Молодые подмастерья обнимались, махали руками, некоторые снова падали на колени, но теперь — от переполнявшего их счастья.

Артём подошёл к Софии, снова взял её под руку. Они постояли так ещё мгновение, принимая эту бурю оваций, эту волну чистой, необузданной энергии молодости и надежды.

А потом, как и положено после представления, они развернулись и скрылись в темноте коридора, оставив бушующий зал за спиной.

Тяжёлые двери закрылись за ними, отсекая рёв трибун, превращая его в глухой, далёкий гул, похожий на шум моря.

В полумраке Артём остановился, закрыл глаза и прислонился лбом к прохладному камню стены. Он чувствовал опустошение после попытки вызова и странную, светлую усталость после речи.

— Всё прошло хорошо, — тихо сказала София, положив руку ему на спину. — Они поверили. Они горят.

— Да, — просто ответил Артём, не открывая глаз. — Они горят. А я... я всё ещё не могу даже тень его стабилизировать.

— Может... это и не нужно? — Прошептала она, обвивая его руку своими. — Может, он есть и не для того, чтобы его вызывали? Может, он для того, чтобы о нём помнили, стремясь к чему-то большему, даже не зная, как это большее выглядит.

Артём открыл глаза и посмотрел на неё. В тусклом свете её лицо казалось высеченным из того же тёплого камня, что и стены их дома.

— Ты всегда знаешь, что мне сказать, — улыбнулся он ей с лёгкой горечью.

— Это потому что я люблю тебя, а не его образ, — отозвалась София, и её губы прикоснулись к его щеке в лёгком, воздушном поцелуе. — А теперь пойдём в город. Посмотрим столицу.

Глава 3

Широкий центральный портал Колизея, обрамленный барельефами, изображавшими историю Империи от катастрофы до возрождения, был не просто дверью. Это была граница между миром сакральной власти и миром повседневной жизни. Между пространством, где правил Закон, воплощенный в Великом, и пространством, где этот закон просто жил в сердцах людей.

Артём и София вошли под высокий, высокий свод, и мир вокруг них мгновенно преобразился.

Вместо гулкой торжественности внутренних залов их встретил мягкий, рассеянный свет искусственного неба Империи – не солнца, а ровного, золотистого сияния, исходявшего от самого купола-щита, натянутого над столицей и прилегающими к ней землями. Воздух был прохладным, свежим, с едва уловимыми ароматами цветущих гиацинтов.

Их взгляду открылся ГОРОД.

Столица Магической Империи простиралась перед амфитеатром, спускаясь от подножия Колизея к далёкому, сияющему горизонту. Она была высечена из единой, грандиозной воли Великого. Величественные шпили дворцов, административных зданий и жилых кварталов устремлялись ввысь, к золотому куполу. Они не соперничали друг с другом вычурностью, а слагались в совершенную симфонию. Всюду архитектура была единой: плавные линии, стрельчатые окна, обилие арок и колоннад из того же золотисто-белого камня, что и Колизей. Каждое здание было шедевром, но вместе они создавали ощущение абсолютной гармонии и порядка.

Ничего лишнего. Ничего кричащего. Только красота, подчиненная строгой логике.

Улицы были широкими, мощеными идеально подогнанными плитами, которые светились изнутри мягким светом, освещая путь даже в «ночное» время. По их краям бежали каналы с чистой водой, в которой плавали необычные, светящиеся рыбки и цвели лилии – система экстренной очистки. Деревья в аккуратных выемках вдоль тротуаров были вечнозелеными, их листья отливали серебром и изумрудом. Воздух был настолько чист, что им хотелось дышать как можно глубже, полной грудью.

И повсюду – люди.

Они были спокойны, неторопливы, одеты в удобные, элегантные одежды из тонких тканей. Зачастую их лица выражали не суету или озабоченность, а сосредоточенное удовлетворение.

Дети играли под присмотром невидимых глазу стражей-големов, их смех был единственным громким звуком в этом упорядоченном мире.

Маги в простых дорожных мантиях несли свитки, торговцы раскладывали на прилавках товары, которые сверкали собственной, внутренней магией: самонагревающиеся кружки, меняющие цвет ткани, летающие игрушки...

Никакой грязи, никакого шума, никакого страха.

На самой вершине одного из дальних холмов, парил, будто вырезанный из куска огромного облака, Главный Замок Академии Магии. Он был больше похож на горный хребет, превращенный в обитель знания, чем на простое строение. Его башни, ещё более высокие и изящные, чем городские шпили, казалось, касались самого купола. От него исходило едва заметная, но ощутимая пульсация силы – ровный гул фундаментальных знаний, на которых держался весь этот чудесный мир.

– Рай, – прошептал Артём, не в силах сдержать восторга, который он испытывал каждый раз, выходя сюда. – Настоящий рай на земле.

София, стоявшая рядом, сжала его руку. В её синих глазах отражалось всё это величие, но было в них и что-то более глубокое – тихая, личная радость за то, что они смогли это сохранить.

– Идём, – сказала она, и в её голосе зазвенела знакомая, шаловливая нота. – Ты сегодня много говорил и много колдовал. Тебе нужны углеводы. И мне – тоже.

– Опять в пекарню? – с лёгким, наигранным стоном спросил Артём, хотя уголки его губ уже предательски подрагивали. – Софочка, у нас же дома есть еда. Големы принесут всё, что угодно.

– Домашняя еда не пахнет так вкусно! – парировала она, уже таща его за собой по широкой, слегка наклонённой улице, ведущей вниз, в один из центральных кварталов. – И не имеет того самого «аромата греха», когда ешь сладкое просто так, среди бела дня. К тому же, старик Элиас печёт те самые булочки с корицей, которые ты обожаешь. И не спорь, я видела, как ты на них смотрел в прошлый раз!

Артём сдался без боя, позволив жене вести себя. Они шли по главной улице, и мир вокруг реагировал на их появление, как море на степенный ход корабля.

Люди, встречавшиеся им, замечали их. Узнавали не сразу – их не сопровождала свита, не гремели фанфары. Но стоило взгляду случайного прохожего скользнуть по их мантиям – тёмно-синей архимага и цвета морской волны ректора, – как лица людей менялись. Не было паники, не было подобострастия. Возникало выражение глубокого, искреннего уважения. Мужчины и женщины почтительно склоняли головы. Многие прикладывали правую руку к груди, к области сердца, и тихо, но отчетливо произносили:

– Да хранит вас Великий

Или:

– Слава его Правой Руке.

Дети же затихали и смотрели на них широко раскрытыми, полными благоговения глазами.

Артём отвечал на эти приветствия лёгкими, едва заметными кивками, стараясь сохранять на лице дружелюбную, но сдержанную улыбку. Он уже привык к этому. За десятилетия это стало обыденной частью его жизни. Но сегодня, после эмоционального напряжения церемонии и личной неудачи, эта всеобщая признательность давила на него чуть сильнее обычного.

София, шедшая рядом и ловящая эти взгляды и шепотки, тихонько хихикнула, прижавшись к его плечу.

– Скажи, о великий Архимаг, Правая Рука самого Хозяина, – прошептала она ему на ухо, играя голосом, – куда же девается вся эта мощь и величие, когда мы дома? Куда пропадает тот, перед кем склоняют головы магистры и трепещут стихии? Я что-то припоминаю совсем другого мужчину. Того, который утром не может найти свои носки и вечно пережаривает мой хлеб!

Артём не смог сдержать улыбки. Её шутка была как глоток холодной воды в знойный день – свежей и спасительной.

– Это очень просто, моя хитрая госпожа ректор, – ответил он в том же духе, наклоняясь к ней. – Правая Рука Великого – он на работе. А с тобой, в нашей квартире и вот здесь, на улице, гуляет простой Арти. И он, кстати, очень любит булочки с корицей и свою жену, которая постоянно над ним издевается!

София рассмеялась, чистым, звонким смехом, который заставил пару проходивших мимо молодых магов обернуться и улыбнуться в ответ, увидев не строгих правителей, а просто влюбленную пару. Она взяла Артёма под руку крепче, и они зашагали быстрее. Их смех быстро растворялся в чистом, спокойном воздухе Рая.

Артём смотрел вокруг, и чувство глубокого, почти физического удовлетворения наполняло его.

Вот женщина торгует магическими кристаллами, её лицо спокойно и сосредоточенно. Вот двое мужчин что-то живо обсуждают, размахивая руками над чертежом, парящим в воздухе между ними – вероятно, новый проект какого-нибудь канала. А в стороне дети пускают по водостоку кораблики с алыми парусами.

Всюду царили безопасность, сытость, здоровье. Не было нищих. Не было голодных взглядов. Не было страха в глазах.

И это спокойствие, эта тихая, уверенная жизнь, пронзила его внезапной, острой болью воспоминаний. Контраст был настолько чудовищным, что у него на миг перехватило дыхание.

Перед его внутренним взором, словно проклятый фильм, который нельзя остановить, промелькнули совсем иные образы...

Темнота.

Не благородный полумрак Колизея, а липкая, густая, пахнущая страхом и потом тьма подземного метро. Сквозняки, воющие в разбитых тоннелях, словно души погибших. Прозрачные огоньки фонарей на последних батарейках. Тихий шёпот, переходящий в истерику. Плач ребенка, который не мог понять, почему ему так холодно и так страшно...

Пейзаж.

Не эти идеальные улицы, а бесконечная, выжженная ядерным огнём пустошь. Чёрная, спекшаяся земля. Остовы машин, сплавленные в чудовищные скульптуры. Радиоактивный пепел, кружащий в воздухе, который обжигал лёгкие. И тишина. Тишина, в которой слышен только ветер, воющий среди руин, будто оплакивая всё, что было раньше...

Бункер.

Не просторные залы Академии, а узкие, низкие коридоры Бункера номер 5, который Артём никогда не забудет. Давящий бетонный потолок. Гул генераторов, смешанный с тихими стонами раненых. Запах антисептика, крови и человеческого отчаяния. И леденящий ужас неизвестности. Что там, наверху? Остался ли кто-то живой? Или весь мир стал вот такой вот пустошью?

И тогда, в самый тёмный момент этого кошмара, появился ОН.

Золотая, сияющая фигура, возникшая из ниоткуда. Не человеческая, уже нет. Сущность из чистого света и невероятной воли. Его появление не принесло утешения – оно принесло шок, благоговейный ужас и... абсолютную, неоспоримую ясность.

Мир, каким они его знали, умер. Родилось нечто новое. И этот золотой призрак был его первым и единственным законом. В тот момент, глядя в слепые золотые сферы его глаз, маленький Артём, грязный, испуганный, потерявший всех, понял одну вещь: всё изменилось. Навсегда.

– Арти!

Резкий, но совсем не болючий удар в бок вернул его в настоящее. Артём вздрогнул, моргнул, и кошмарные видения рассыпались, уступая место солнечному свету, чистому камню и встревоженному лицу Софии.

– Ты меня совершенно не слушаешь! – упрекнула она, но в её глазах читалась не злость, а беспокойство. – Я уже пять минут рассказываю про новый проект кафедры иллюзий, а ты киваешь и смотришь куда-то сквозь меня. Опять туда унесло?

Артём с виноватым видом выдохнул, сжав её руку в своей.

– Прости, солнышко. Витаю в облаках. Сегодняшняя церемония... воспоминания нахлынули. Старые. – Он наклонился и мягко поцеловал её в макушку. – Обещаю, впредь не буду так далеко уходить. Не сегодня. Сегодня – только мы, булочки и этот прекрасный город.

София посмотрела на него снизу вверх – она была ниже него на целую голову – и в её взгляде промелькнула целая гамма эмоций: понимание, лёгкая грусть, любовь и решимость его развеселить. Она недоверчиво хмыкнула, но уголки её губ задрожали.

– Обещания, обещания... Ладно, прощаю. Но только если ты сейчас же побежишь со мной! – И не дав ему опомниться, она резко дёрнула его за руку и рванула с места.

Артём, смеясь и спотыкаясь, побежал за ней.

Они неслись по идеальной мостовой, как два подростка, обгоняя степенных прохожих, которые с удивлением и улыбками расступались перед этой несущейся парой верховных магов Империи. София вела его уверенно, петляя между зданиями, и вскоре они свернули на уютную, чуть более узкую улицу, где в воздухе витал божественный, сдобный аромат свежей выпечки.

Пекарня «Золотой Колос» находилась в старом, но безупречно отреставрированном здании с огромной витриной. Дверь с колокольчиком распахнулась под напором Софии, и они влетели внутрь, запыхавшиеся и смеющиеся.

– Элиас! – крикнула София, едва переводя дух. – Нам нужны ваши самые-самые вкусные булочки, и прямо сейчас! У нас сегодня особенный день, мы заслужили!

Пекарня была небольшим, уютным царством тепла и ароматов. Полки ломились от хлебов самых причудливых форм, в витрине красовались пирожные, похожие на драгоценности, а за прилавком стоял сам хозяин – седой, дородный мужчина с лицом, испещрённым морщинами-лучиками от постоянной улыбки. Увидев их, его глаза широко распахнулись, а потом зажглись искренней радостью.

– Ваши превосходительства! – воскликнул он, вытирая руки о белоснежный фартук. – Какая честь! Я слышал, сегодня был приём в Академии. Уверен, всё прошло великолепно, как и всегда. Проходите, проходите, места для моих любимых гостей всегда найдутся!

Он явно привык к их неофициальным визитам и этой паре в целом. Его почтение было не рабским, а тёплым, почти отеческим.

София, уже пришедшая в себя, с преувеличенно важным видом оглядела зал. Была пара столиков у стены, один в центре и... **ВОТ ЕЁ ЦЕЛЬ!**

– Вон тот, – скомандовала она, указывая на столик у огромного панорамного окна, выходящего на маленькую, аккуратную площадь с фонтаном в центре. – Там самый лучший вид.

– Как скажете, мадам Ректор, – с поклоном парировал пекарь.

Артём, улыбаясь, помог Софии снять лёгкую накидку, затем сбросил свою тяжёлую мантию архимага. Он повесил их обе на резную деревянную вешалку у стола, и на мгновение это показалось ему странным – эти символы высшей власти, безвольно висящие рядом с обычной одеждой в крошечной пекарне.

Они уселись.

Через несколько минут старик Элиас лично принёс к их столу поднос. На нём дымились два огромных круассана с явно только что приготовленной начинкой из заварного крема и корицы, две порции воздушного беже и два больших кувшина с парным молоком, подогретым ровно до той температуры, какая нравилась Софии.

– Самые лучшие, как и просили, – сказал он, расставляя угощение. – Приятного аппетита. И с юбилеем, если позволите. Сто лет порядка... мы, простые люди, этого никогда не забудем.

– Спасибо, Элиас, – искренне сказал Артём. – Ваши булочки – лучшая часть этого дня.

Пекарь смущённо кивнул и уже хотел удалиться, но Артём остановил его жестом. Он зачерпнул горсть из маленького мешочка на своём поясе и протянул старику. На его ладони лежало несколько магических кристаллов размером с ноготь. Они переливались внутренним светом, отливая всеми цветами радуги, но с преобладанием чистого, золотого оттенка. Это была имперская валюта – концентрированная, стабилизированная мана в физической форме. Её нельзя было подделать, только изготовить, и от того её ценность была абсолютной.

Элиас взял кристаллы, взвесил их на руке, и его лицо озарилось профессиональным удовлетворением. Плата была более чем щедрой.

– Благодарю, ваше превосходительство. Буду рад видеть вас снова. – Он ещё раз кивнул и скрылся за прилавком, давая супругам уединиться.

София уже отломилла кусочек круассана и с наслаждением надкусила его. Артём последовал её примеру. Тёплое, маслянистое, невероятно вкусное тесто таяло во рту.

Несколько минут они ели в тишине, глядя на площадь за окном. Потом София отпила молока и спросила, положив подбородок на сложенные руки:

– Ну, так как? Впечатления от свежееиспечённых подмастерьев? Не разочаровал набор? Артём расслабленно откинулся в плетёном кресле, доедая свой круассан.

– Нет, не разочаровал. Напротив. Уровень в этом году... необычайно высок. Я заметил несколько особенно перспективных. Очень сильные, с ясными умами и горящими сердцами.

– Имеешь в виду тех троих на первом ярусе? – оживилась София. – Мальчик и две девочки? У них запасы маны... Боги, Арти, я таких не видела со времён, как сама была студенткой! Это же будущие архимаги, как минимум! Целый магистр по запасу маны в пятнадцатилетнем теле! Это поразительно!

– Да, они тоже, – кивнул Артём. – Феноменальные сосуды. Но... я не о них. – Его тон изменился, стал более задумчивым, даже настороженным. – Ты читала итоговый доклад приённой комиссии? Раздел «Особые случаи»?

София замерла с кусочком безе на полпути ко рту. Лёгкий румянец выступил на её щеках. Она медленно опустила десерт на тарелку и отодвинула её.

– Эм... Знаешь, я была очень занята подготовкой речи, – сказала она, глядя в сторону. – И... кафедральным бюджетом. И проверкой новых големов-служителей... В общем, я... ещё не успела с ним ознакомиться. – Она посмотрела на него, и в её глазах читалось любопытство, смешанное с лёгкой тревогой. – А что там? Что-то не так?

Артём усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

– «Не так» – не совсем то слово. Там... очень интересные ребята. С необычными силами. Такими необычными, что комиссия едва не отклонила их заявления, сославшись на... потенциальную опасность.

София нахмурилась. Она отставила свою тарелку в сторону и склонилась над столом.

– Опасность? Ты редко так говоришь о студентах, Арти. Что там настолько серьёзного?

Артём отпил молока, собираясь с мыслями. Его взгляд стал острым, аналитическим – взглядом не мужа за завтраком, а верховного архимага, оценивающего угрозу.

– Один из них, девочка, способна на расстоянии вызывать полный, неконтролируемый распад сложных магических конструкций. Не взрыв, не разрушение – именно распад на составляющие элементы маны. Её дар – это анти-магия в чистом виде. Големы рядом с ней начинают рассыпаться в пыль от одного лишь её присутствия.

София присвистнула.

– Второй, мальчик, – продолжил Артём, – обладает абсолютным иммунитетом к внешнему магическому воздействию. Не щитами, не сопротивлением. Иммунитетом. Заклинания любого типа и мощности просто... не воспринимаются его существом. Он – «слепое пятно» для магии. И при этом сам обладает скромным, но стабильным даром телекинеза, который, видимо, работает на каких-то иных принципах – это ещё предстоит выяснить.

– Но это же... это же просто уникальные защитные таланты! – воскликнула София. – Их можно направить на...

– И третий, – перебил её Артём, и его голос стал тише, – мальчик лет семнадцати. Его сила... Я даже не знаю, как её точно классифицировать. Он называет её «временным заимствованием». Но это не то заимствование, о котором мы думаем.

Он сделал паузу, глядя прямо в глаза жены.

– Он способен, при физическом контакте, на короткий срок – минуты, не больше – полностью скопировать... нет, присвоить магический профиль другого мага. Все его знания, все его навыки, весь его запас маны, все его уникальные способности становятся его собственными. Без потерь. Без искажений. Он становится точной, полной копией. Пока контакт не прервётся.

В пекарне повисла тишина. Даже привычный шум улицы за окном казался приглушённым.

– Это... безумие, – наконец выдохнула София. – Но у такого дара должны быть жёсткие ограничения. Время, радиус, может быть необходимость согласия...

– Конечно, – кивнул Артём. – Ограничения есть. Контакт должен быть физическим и осознанным со стороны «донора» на момент начала. Время ограничено его собственным запасом сил – чем сильнее маг, тем короче период заимствования. После отмены эффекта наступает период истощения, пропорциональный силе скопированного. И главное – он не может копировать более одного профиля за раз, и не может «сохранять» их. Это одноразовый, ситуативный инструмент.

– Но даже так... – прошептала София.

– Даже так, – подтвердил Артём. – Представь, София. В момент пика своей силы, в момент нашего танца стихий сегодня... если бы он коснулся меня... он стал бы МНОЙ. Со всеми моими знаниями, со всей моей силой, со всей моей связью с призрачной армией и потоками маны Академии. На минуту. На две. На пять. Но МНОЙ.

Он откинулся на спинку стула, и его лицо стало усталым.

– И да, – добавил он почти беззвучно. – Комиссия провела теоретическое моделирование. При определённых условиях, при идеальной ситуации... он способен победить меня. Временно, ценой собственного, возможно, смертельного истощения... но способен.

София медленно откинулась назад, копируя мужа, её синие глаза стали огромны от потрясения.

– Победить... – повторила она. – Победить самого «Мага-Страну». Того, кого народ за глаза называет живым щитом Империи.

Артём кивнул, и в его взгляде читалась не обида, а холодная, профессиональная констатация факта.

– Да. И это заставляет задуматься. Не о нём, как об угрозе. Мальчик, судя по отчётам психологов, тихий, замкнутый, напуганный собственным даром. А о... природе магии вообще. Мы думали, что изучили её основы. А она продолжает подкидывать такие сюрпризы. Такие дыры в самой ткани наших законов.

Внезапно с улицы, с той самой площади, что была за окном, раздался пронзительный, полный ужаса женский крик.

Артём вздрогнул, как от удара током. Его тело напряглось раньше, чем сознание успело обработать звук. Он резко повернул голову к окну.

И в тот же миг вся столичная площадь оказалась оцеплена. Не солдатами, не стражами. Его призрачной армией. Десятки полупрозрачных, синеватых фигур магов материализовались прямо из воздуха, образовав непроницаемое кольцо вокруг эпицентра события. Их безликие лики были обращены внутрь круга, и от них исходила готовая к удару воля их создателя.

Но...

Никакой паники не последовало. На площади не началась давка. Люди лишь в испуге отшатнулись, образовав круг.

Артём, уже вставший с места, увидел, что произошло. На мостовой стоял мужчина, его лицо было искажено яростью. Из его поднятой руки вырывался сгусток малинового, ядовитого пламени, летевший прямо в женщину, которая прижимала к груди завернутого в одеяло младенца. Женщина зажмурилась, подставив спину удару, чтобы защитить ребёнка.

И в метре от них пламя упёрлось в барьер.

Не в щит, сотканный из маны. В барьер из чистого, яркого, безжалостного золотого света. Он возник из ниоткуда, абсолютно непроницаемый. Огненный сгусток ударил в него и рассыпался на искры, не оставив на сияющей поверхности ни следа.

Мужчина-маг заорал что-то нечленораздельное, полное ненависти, пытаясь собрать новую атаку, но...

У него не было шанса.

С неба, с высоты самого купола, беззвучно, стремительно рухнул тонкий, ослепительный столб того же золотого света. Он был не шире человеческого тела. Он коснулся головы нападавшего, и...

И не было взрыва. Не было крика. Не было даже пепла.

Был просто... исчезновение. Маг, его невыпущенное заклинание, его ярость – всё это испарилось в мгновение ока, словно его никогда и не было. На камне мостовой не осталось даже тёмного пятна. Только слабый, быстро рассеивающийся золотой туман.

Золотой барьер перед женщиной и ребёнком погас. Призрачная армия Артёма, не нашедшая применения, медленно растворилась в воздухе. На площади воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихими всхлипываниями испуганной женщины.

Артём уже стоял у окна, его пальцы впились в подоконник. Он видел не только случившееся. В его сознание, прямо в мозг, хлынул поток образов, чувств, обрывков мыслей. Это было не насилие, а холодное, безличное информирование.

Он увидел этого мага. Его имя. Его историю. Измену собственной жене. Унизительный развод. Потерю прав на детей. Алкоголь. Позор. И сегодня – случайную встречу с бывшей женой и её новым ребёнком от уже другого мужчины. Вспышку чёрной, всепоглощающей ревности и ненависти. Решение... Атаку.

Артём одними губами, беззвучно, прошептал:

– Хозяин... не гневайся...

Он знал, что это не гнев. Это просто функция. Работа механизма. Нарушил закон – получил санкцию. Без суда. Без разбирательств. Без эмоций. Точнее... Суд есть, просто он мгновенный.

Он перевёл взгляд на Софию. Она тоже стояла, бледная, глядя на площадь. На её губах застыли те же слова. Она видела то же самое. Великий не скрывал своих «приговоров». Он просто вершил их и сообщал о них тем, кто был достаточно силён, чтобы воспринять информацию.

София тяжело опустилась на стул.

– Никогда не смогу к этому привыкнуть, – прошептала она, отводя взгляд от окна. – Это так... холодно. Так окончательно. Ни шанса на раскаяние, ни попытки понять...

Артём сел напротив, взял её холодные руки в свои.

– Всё хорошо, солнышко. Ты же знаешь. Закон есть закон. И он абсолютен для всех. Все мы под защитой Великого. И он всё видит. Никто не может безнаказанно поднять руку на невинного в его владениях. Это цена нашего спокойствия. Цена этого самого рая.

София кивала, но её глаза были полны грусти.

– Знаю, Арти, знаю. Просто... Он уже ничего о себе не говорит. Целых тридцать лет, Арти! А последние полгода – и вовсе полная тишина. Еще и эти... выбросы, которые с каждым годом становятся всё непредсказуемее. И вот такие вот... акции правосудия. Многих это беспокоит. Очень многих. В Академии уже ходят слухи. Говорят, что он... что он может быть болен. Или что он покинул нас. Или что эти выбросы – предвестники чего-то ужасного.

Артём опустил голову. Усталость, которую он гнал прочь всё утро, навалилась на него с новой силой.

– Милая, ты и сама всё знаешь, – сказал он тихо. – После... после всего, что было с Вэем и с Иваном Сергеевичем, после того как он наложил запрет... Великий стал чем-то большим, чем просто маг. И... Он стал большим, чем человек. Его сила слишком велика, и он... он искал способ ограничить себя. Чтобы не повторить ошибок прошлого. Чтобы его сила не смогла

выйти из-под контроля. Поэтому он и ушёл. Ушёл туда, где мы не можем его найти. И пока он сам того не захочет... мы бессильны. Мы на слишком разных уровнях существования.

Он поднял взгляд и встретился с её глазами. В его взгляде была вся его боль, всё его собственное, неискоренимое томление по тому, кого он считал своим спасителем и недостижимым идеалом.

– Не грусти, солнышко. Поверь, никто не чувствует его отсутствие острее, чем я. Но сейчас... сейчас мы можем только хранить то, что он нам оставил. И надеяться на его скорое возвращение.

София молча кивнула. Она выпила остатки своего остывшего молока, теперь больше похожего на ритуал, чем на желание. Артём допил своё. Они доели выпечку в тишине, которую уже не нарушала лёгкая беседа. Тень от случившегося на площади легла на их стол.

Вскоре они вышли из пекарни.

София, словно пытаясь отогнать мрачные мысли, снова взяла Артёма под руку и повела его не обратно к Колизею, а в сторону большого центрального парка, зеленеющего вдаль.

– Ладно, – сказала она, когда они вышли на широкую аллею, ведущую к парковым воротам. – Хватит о грустном. Вернёмся к нашему опасному подмастерью. Ты так и не договорил. Третий мальчик... его сила – это временное заимствование профиля. Но ты сказал: «Не то заимствование, о котором мы думаем». Что ты имел в виду?

Артём шёл рядом, глядя перед собой. Его лицо вновь приняло сосредоточенное, аналитическое выражение.

– Я имел в виду то, что его дар работает не на уровне копирования навыков или силы, – начал он медленно. – Это было бы просто невероятно, но понятно. Нет. Он... он на время становится тем магом. На уровне сущности. Его мана-подпись меняется на точную копию подписи «донора». Его тело, его нервная система, его магические каналы – всё перестраивается. Он не использует чужие заклинания. Он вспоминает их, как свои собственные. Он не копирует силу – он чувствует её в себе, как свою родную.

Он остановился, повернулся к Софии.

– Понимаешь? Это не мастерство. Это... подмена личности на магическом уровне. И именно поэтому у этого дара такие жёсткие ограничения и такая страшная цена. Потому что то, что он делает...

Артём замолчал, подбирая слова. Ветер с парка трепал его волосы.

– Он обладает силой... – начал он снова, и его голос прозвучал очень тихо, – которая бросает вызов самому понятию индивидуальности мага. Это противоречит всем нашим прежним представлениям о магии, родная. И противоречит природе самой магии...

Глава 4

Парк, раскинувшийся у подножия Колизея, был не просто зелёной зоной. Это был живой гимн совершенству, созданный лично Великим в первые десятилетия Эры Строгости по эскизам самой Софии и её учеников. Он не пытался имитировать дикую природу старого мира — он был именно её магической идеализацией, симфонией упорядоченной гармонии.

Артём и София вошли под высокую арку, сплетённую из живых ветвей плакучих ив, чьи листья отливали серебром и мягко звенели на ветру, словно тысячи крошечных колокольчиков. Широкая аллея из белой, почти сияющей каменной плитки вела вглубь леса, теряясь где-то вдалеке среди гигантских деревьев. Воздух здесь был другим — густым, насыщенным, пахнущим не просто чистотой, а десятками оттенков зелени, влажной земли, цветущих магнолий и чего-то неуловимого, сладковатого, что можно было назвать «запахом самой магии».

Они шли не спеша, под руку, их шаги отдавались тихим эхом в безмятежной тишине окружающего мира. По сторонам открывались картины, каждая из которых могла бы стать полотном великого мастера. Здесь был и сад камней, где огромные валуны и изящные скульптуры медленно перетекали друг в друга, меняя форму, и зеркальный пруд, в водах которого плавали не рыбы, а сгустки живого, переливающегося всеми цветами радуги света. А чуть дальше — роща деревьев с хрустальной листвой, мелодично звенящей от малейшего дуновения ветра.

И повсюду — ЖИЗНЬ. Но жизнь особенная...

На поляне в отдалении паслось стадо оленей. Их шерсть отливала благородной бронзой, но главным их достоинством были рога. Они были подобны причудливым сплетениям ветвей, по которым, от самых кончиков и до оснований, пробегали тихие, сдержанные разряды молний. Электричество не причиняло животным вреда, а лишь мягко окутывало их сияющим ореолом, иногда с тихим треском стекая на траву, которая на мгновение вспыхивала фосфоресцирующим светом и тут же гасла.

— Смотри, — тихо сказала София, указывая взглядом вверх.

Высоко в небе, под самым золотым куполом, пролетела птица. Вернее, сгусток живого пламени в форме птицы с длинным, изящным хвостом. Феникс? Нет, не тот мифический перерожденец, а магическая мутация обыкновенного ястреба, чьё тело теперь было заключено в кокон тёплого, алого огня, не сжигающего, а озаряющего путь. Он сделал широкий круг, оставив в воздухе медленно тающий след из искр, а после скрылся за вершинами кипарисов.

— Лаборатория адаптивной биомании отчиталась на прошлой неделе, — заметил Артём, следя за полётом. — Они стабилизировали фенотип. Говорят, такие птицы теперь могут гнездиться даже в ледяных гротах севера, обогревая кладку. Теперь это уже практичная красота...

— Красота всегда практична, — улыбнулась София, прижимаясь к его плечу. — Она успокаивает ум. А спокойный ум лучше творит. Даже твой вечно беспокойный, любимый.

Артём фыркнул, но не стал спорить.

Они прошли мимо пары молодых магов, сидевших на скамье и увлечённо что-то чертивших в воздухе светящимися линиями. Те, увидев их, лишь почтительно кивнули, не прерывая занятия. Дальше по аллее шла женщина с двумя детьми. Девочка лет пяти тыкала пальчиком в цветок, и тот распускаясь, меняя цвет с синего на розовый, под её восторженный смех.

Идиллия.

Абсолютная и совершенная.

— Получила вчера письмо от Лены, — сказала София, переходя на личное. Голос её стал мягче. — Из Атлантического анклава.

— И как там наша бунтарка? — спросил Артём, и в его голосе зазвучала знакомая смесь гордости и лёгкой досады. Их старшая дочь, Елена, пошла не по их стопам. Её манил не строгий

порядок столицы, а «дикие», только сформированные магические биомы на залитых когда-то океаном территориях. Она стала биомагом-исследователем, изучающим, как жизнь приспосабливается к вечно меняющейся магической среде новых морей.

— Увлечена как всегда, — София покачала головой с улыбкой. — Пишет, что обнаружила целую колонию моллюсков, которые строят раковины не из карбоната, а из какой-то магической материи, связанной со светом. «Падающие звёзды на дне моря», — так она выразилась. Просит выделить средства на новую подводную лабораторию. Опять.

— Опять... — вздохнул Артём, но глаза его смеялись. — Ладно. Пусть оргкомитет рассматривает. Если её открытие действительно имеет потенциал для создания новых материалов... А Мирон? Слышно что-нибудь о нём?

Мирон, их сын, был полной противоположностью сестре. Спокойный, методичный, он пошёл по стопам матери, но в прикладном ключе. Он был главным архитектором магической инфраструктуры в одном из крупнейших сельскохозяйственных поясов Империи на бывших землях Германии.

— Присылал голографическое послание на днях, — ответила София. — Гордится. Говорит, его команда добилась рекордной урожайности пшеницы в тех секторах. И... он упомянул, что Алиса ждёт ребёнка. Второго.

Артём остановился на мгновение, и по его лицу разлилось тёплое, почти детское удивление, а потом — безмятежная радость.

— Второго? — переспросил он. — А мы и не знали. Значит, будем снова бабушкой и дедушкой. Хотя как-то странно это осознавать, когда выглядишь на двадцать пять.

— Магия — великий консервант, — пошутила София, но её глаза тоже сияли счастьем. — Надо будет отправить им что-то. Может, новый мана-кристалл для дома? Мирон как-то жаловался, что в их регионе часты магические шквалы.

— Обязательно, — кивнул Артём. Они снова пошли дальше. — А от Марка весточки были?

Марк, их младший, был «белой вороной» в семье — не магом в классическом понимании. Его дар был тонким, почти неуловимым: он чувствовал и мог незначительно корректировать «эмоциональный фон» местности, успокаивая раздражение или усиливая чувство умиротворения. Он уехал на самый север, в Гренландию, в небольшую общину созерцателей, которые жили в гармонии с суровой, ледяной магией тех мест.

— Было короткое сообщение через сеть дальнего резонанса, — сказала София, и её голос стал немного печальным. — Крайне короткое. Пишет, что всё хорошо. Что лёд поёт ему старые песни, хотя я не понимаю, о чём он. И... что он собирается жениться. На местной девушке, дочери какого-то старейшины.

Это известие повисло в воздухе. Артём медленно выдохнул.

— Жениться... В Гренландии. Далеко. Очень далеко.

— Он счастлив там, Арти, — мягко сказала София, сжимая его руку. — Он нашёл своё место. Не в парадных залах, не на полях сражений. Он находит покой в тишине. И, кажется, делит этот покой с кем-то ещё. Мы должны быть рады за него.

— Я и рад, — ответил Артём, и в его словах звучала правда, хоть и с горьковатым привкусом. — Просто... не скоро мы с ним увидимся. И внуков, что родятся среди льдов, тоже не скоро понянчим. Там совсем другая жизнь...

— У каждого своя жизнь, — философски заметила София. — Мы построили им мир, где они могут её выбирать. Разве не этого мы хотели?

Артём не ответил.

Пара свернула на менее широкую тропинку, которая вела в самую гущу паркового леса. Здесь деревья были выше, их кроны смыкались, создавая полумрак, пронизанный золоти-

стыми лучами искусственного солнца, пробивающимися сквозь листву. Воздух стал прохладнее, запах мхом и старой древесиной.

— Кстати, о новостях, — сменила тему София, чувствуя настроение мужа. — Ты слышал о работе группы Зориана с кафедры големики?

Артём нахмурился, перебирая в памяти свежие отчёты.

— Кажется, что-то мельком. Они бились над проблемой фазового перехода, да?

— Именно, — кивнула София. — Кажется, добились прорыва. Создали прототип служебного голема, который по команде может на короткое время — до десяти секунд — переходить в состояние чистой магии. То есть, становится неосязаемым, невесомым, способным проходить сквозь материальные преграды.

Артём присвистнул тихо, оценивая прорыв.

— Серьёзно? Это же... это меняет всё. Логистика, ремонт сложных систем, разведка, медицина...

— И безопасность, — добавила София. — Представь стража, который может стать призраком, чтобы избежать ловушки, или наоборот, материализоваться внутри охраняемого периметра. Но пока, как всегда, проблема со стабильностью. После перехода обратно в физическую форму наблюдаются критические сбои в матрице памяти. Голем «забывает» часть команд, теряет ориентацию. В прошлом тесте один такой прототип, вернувшись, два часа называл Зориана «мамочкой» и пытался собрать из конструктора замок.

Артём рассмеялся, коротко и искренне.

— Ну, хоть не напал ни на кого. Это уже прогресс! Скажи Зориану, чтобы удвоил усилия. Если решит проблему памяти — это будет величайшее достижение големики со времён создания первых стражей. Выделим ему дополнительное финансирование.

— Я так ему и сказала, — улыбнулась София. — Он чуть не расплакался от счастья. Говорит, к следующему полнолуннию будет новый, улучшенный прототип.

Они вышли на небольшую поляну, посреди которой журчал, низвергаясь с каменного уступа, ручей. Мостик над ним был выточен из цельного куска розового кварца. Здесь было безлюдно. Тишину нарушал лишь плеск воды и далёкое, мелодичное щебетание птиц.

— Завтра, кстати, служба в Соборе, — вспомнила София, глядя на воду. — Большая. По случаю столетия. Ожидают, что мы будем присутствовать. На балконе, как всегда.

Артём слегка поморщился.

Личные религиозные чувства у него были глубокими, но сложными, сплетёнными из благодарности, преклонения и той самой неутолённой тоски. Публичные же церемонии в громадном Соборе Великого на центральной площади, с их торжественностью, хорами и всеобщим экстазом, всегда оставляли его опустошённым. Это была демонстрация культа, в котором он был одной из ключевых икон, и это его тяготило.

— Знаю, — вздохнул он. — Придётся. Протокол. Хотя... иногда я думаю, что ОН, если вообще воспринимает что-либо из нашего мира, вряд ли радуется этим песнопениям. Ему, наверное, важнее тишина и порядок, а не гимны.

— Людям нужно выражать свою благодарность, Арти, — мягко сказала София. — И страх. И надежду. Собор даёт им это. Без этого символа всё может превратиться во что-то тёмное и неконтролируемое. Ты же знаешь.

И он знал.

Подавленная вера когда-то едва на пожрала Первого Мага изнутри. Теперь же ей дали безопасный, управляемый выход. Религия Великого Хозяина была такой же частью системы, как големы или магические университеты. Она концентрировала человеческие эмоции в строгое, красивое, предсказуемое русло, не позволяя чрезмерно исказить изначальный образ Великого.

Они перешли через мостик и углубились в ещё более дикую часть леса. Тропинка здесь была уже едва заметной, протоптанной в мягком мхе. Стволы древних дубов, чья кора была испещрена серебристыми прожилками магических руд, вздымались к небу, как колонны забытого храма.

Воздух был переполнен влагой и благодатной тишиной.

Именно в этой почти мистической тишине Артём заметил нечто... странное.

Сначала это был просто отсвет. Неправильный, тёплый, пульсирующий. Где-то в глубине лесной чащи, за стеной папоротников и причудливо изогнутых кустов омелы, что-то горело.

Он остановился, положив руку на плечо Софии. Она замолкла, почувствовав напряжение в его позе, и проследила за его взглядом.

— Что там? — прошептала она.

— Не знаю, — так же тихо ответил Артём. — Огонь. Но... странный.

Отсвет был не багровым, как у пожара, и не золотым, как у магических светильников. Он был тёплым, почти янтарным, и пульсировал с медленным, ровным ритмом, словно чьё-то сердце. И что самое странное — не было ни запаха гари, ни треска горящей древесины. Только тихий, едва различимый шелест.

— Неужели пожар? — насторожилась София, её рука инстинктивно сжалась в жесте, готовом вызвать воду из ближайшего ручья. — Но как? Все растения здесь пропитаны магическими стабилизаторами, они не горят...

— Не похоже на пожар, — покачал головой Артём. Его любопытство, всегда живое, проснулось. — Пойдём, посмотрим.

Они осторожно сошли с тропинки, пробираясь сквозь заросли. Мягкий мох глушил их шаги. Через несколько минут, раздвинув ветви огромного папоротника, они вышли на маленькую, скрытую от посторонних взглядов поляну.

И замерли.

В центре поляны, на небольшом возвышении из тёмного, отполированного временем камня, рос цветок.

Это было растение невиданной красоты. Стебель, тёмно-фиолетовый, почти чёрный, крепкий и прямой. Листья — узкие, заострённые, цвета старого серебра, с алмазными прожилками. А на вершине — единственный бутон. Он был похож на крупный тюльпан, но его лепестки были не мягкой тканью, а словно выкованы из тончайших пластин чистого, прозрачного янтаря. И внутри этого янтарного сосуда бушевало пламя.

Оно было живым, подвижным, магическим...

Оно лизало внутренние стенки бутона, переливаясь, сгущаясь и распадаясь искрами, но не вырывалось наружу. От него исходил ровный, осязаемый жар, но, как вскоре убедились супруги, это было тепло лишь камина в зимний вечер — уютное, но не обжигающее. Трава вокруг камня не тлела. Листья ближайшего куста не скручивались от жары. Огонь был заключён в совершенную, самодостаточную форму.

Артём и София несколько секунд просто смотрели, не в силах вымолвить слова. Их умы, натренированные десятилетиями изучения магии, отказывались принимать увиденное.

— Это... невозможно, — наконец выдохнула София, её голос был полон благоговейного ужаса. — Растение... контролирует активную магию? Стихию огня? Арти, такого не бывает! Они — пассивные аккумуляторы, фильтры, проводники в лучшем случае! Они не могут применять силу!

Артём медленно подошёл ближе, его аналитический ум уже лихорадочно работал, отбрасывая одну невозможную гипотезу за другой.

— Мутация? — пробормотал он. — Но настолько сложная... Самопроизвольная магическая эволюция? Под воздействием фоновой маны парка? Но для такого нужен разум, воля... или запрограммированный отклик на уровне, который мы не понимаем.

Он осторожно, как к дикому зверю, протянул руку к цветку. Его пальцы почти коснулись одного из серебристых листьев.

И тогда цветок среагировал.

Пламя внутри бутона взметнулось, сгустилось, и тонкая, острая струйка того же яркого огня выстрелила из чашечки, целясь прямо в палец Артёма. Тепло мгновенно сменилось жаром, реальным, угрожающим.

Артём инстинктивно отдёргнул руку назад, отпрыгивая прочь. Огненная струя, не достигнув цели, зависла в воздухе на мгновение, словно разглядывая его, а потом медленно, словно нехотя, втянулась обратно в бутон. Пламя внутри продолжало гореть, но его ритм чуть участился, как сердцебиение рассерженного существа.

София ахнула, схватив мужа за локоть, проверяя, цел ли он.

— Он... он защищается, — ошеломлённо прошептал Артём, не отводя от цветка взгляда. В его глазах горел уже не страх, а чистое, неподдельное изумление. — У него есть инстинкт самосохранения. Растение! С активным магическим контролем!

Они переглянулись.

В глазах Софии читалось то же потрясение. Это было не просто аномалия, как у сил тех студентов. Это было нечто фундаментально новое. Принципиально иное. Их мир, их наука говорили: растения — часть магического фона, но не активные игроки. А этот цветок, этот тихий, маленький житель поляны, отрицал этот постулат. Он был живым доказательством того, что их понимание природы магии, возможно, было поверхностным, неполным.

Или же что-то изменилось... Очень глубоко. На уровне самих основ мира.

Артём почувствовал знакомое, леденящее предчувствие. То самое, что скреблось у него на задворках сознания с утра, после неудачного вызова, после рассказа о студентах, после... Выброса. Ощущение, будто под идеально отполированным полом их рая пролегла глубокая трещина. Небольшая, почти невидимая. Но очень опасная.

— Это что-то новое, — тихо, но твёрдо сказал он. — И это нужно изучить. Немедленно.

Он отступил ещё на шаг, поднял руку и сосредоточился. Мана вокруг него, густая и послушная, тут же откликнулась. Перед ним, из переливающегося синевой воздуха, материализовалась фигура — призрак старого мага в длинных, выцветших одеждах, с лицом, скрытым глубоким капюшоном. Это был не воин, а учёный, один из тех архимагов воздуха, что столетия назад специализировались на связи и быстрых перемещениях.

— Найди архимага Иллидана, — отдал приказ Артём. — Глава отдела исследования спонтанных магических проявлений при Академии. Он должен быть в своей лаборатории в шпиле Западного крыла или в архивах. Приведи его сюда. Немедленно. Скажи, что дело касается аномалии первостепенной важности. Дальше он сам разберётся.

Призрак склонил голову в беззвучном поклоне. Затем его форма дрогнула, стала прозрачной, и он растворился в воздухе не вспышкой, а быстрым, уносящимся вдаль порывом ветра, который на миг закрутил опавшие листья на поляне.

Теперь они снова остались одни. Пламя внутри цветка, казалось, успокоилось, вернувшись к ровному, медленному тлению. Оно было прекрасно. И от этой красоты исходила непонятная, зловещая угроза.

— Что это может быть, Арти? — спросила София, не отрывая взгляда от янтарного бутона. — Не связано ли это с... выбросами? С нестабильностью магического поля?

— Всё может быть связано, — мрачно ответил Артём. Он начал медленно обходить поляну по кругу, изучая цветок с разных сторон, но не приближаясь. — Выбросы... аномальные студенты с дарами, ломающими все наши представления о мире... а теперь и растения, проявляющие активную магию. Это уже не отдельные инциденты. Это симптомы.

— Симптомы чего? — её голос дрогнул.

Артём остановился, глядя не на цветок, а сквозь деревья, туда, где в вышине мерцал золотой купол — вечный, нерушимый щит их мира.

— Изменения, — сказал он просто. — Глубинного изменения. В правилах. Возможно, в самом мире. А может... — он сделал паузу, и следующая мысль была высказана шёпотом, полным леденящего догадки, — может, это не изменение. Может, это было всегда. Мы просто не видели. А теперь... замечаем. Не будем наводить панику раньше времени. Лучше дождёмся ответа от Иллидана.

Так они и стояли в тишине, нарушаемой лишь тихим треском пламени.

Идиллическая прогулка закончилась. На смену ей пришло ожидание. Ожидание учёного, который должен был пролить свет на эту новую, горящую в глубине леса тайну. Но в груди у Артёма уже сжимался холодный комок. Он боялся, что свет этого знания может не прояснить, а ослепить. Или показать им нечто такое, от чего их идеальный, строгий мир уже никогда не сможет оправиться.

Глава 5

Воздух в кабинете Верховного Архимага был прохладным и неподвижным, как вода в глубоком колодце.

Сюда не доносился гул города, не проникали звуки с нижних ярусов Колизея. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь тихим, бархатным гулом магических кристаллов, встроенных в стены и обеспечивавших свет, связь и защиту.

Этот кабинет не был роскошным — он был функциональным. Огромный стол из тёмного полированного дерева, за которым сейчас сидел Артём, несколько высоких стеллажей со свитками и современными кристаллическими шарами-накопителями, пара кресел для посетителей и гигантское окно-иллюзия, занимавшее всю стену напротив входа. Оно показывало не город, а панораму звёздного неба над бескрайней, безжизненной пустошью за пределами купола — вечное напоминание о том, что когда-то стояло за стенами их рая.

Артём сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на мужчину, сидевшего напротив.

Архимаг Иллидан был одним из старейших и самых уважаемых исследователей Академии, главой отдела исследования спонтанных магических проявлений.

Ему было за сто лет, но магия и сильная воля сохранили его тело подтянутым, а ум — острым, как бритва. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало старую карту, на которой отмечены все пути его долгой, полной открытий жизни. Сегодня же на этой «карте» читались усталость, сосредоточенность и... тревога. Глубокая, профессиональная тревога учёного, столкнувшегося с явлением, не укладывающимся ни в одну из его прежних гипотез.

На столе между ними лежал простой, слегка помятый бумажный отчёт. Архаика в мире магии, но Иллидан предпочитал бумагу для предварительных выводов — её нельзя было взломать, заразить или случайно стереть магическим импульсом.

— Итак, — начал Артём, и его голос в тишине кабинета прозвучал чуть громче, чем он ожидал. — Что у нас есть, старый друг?

Иллидан вздохнул, поправил очки с толстыми линзами.

— Начну с главного, Артём. Твой цветок. Тот самый, «янтарный тюльпан», как ты его описал. Мы изолировали его на специальном полигоне в глубине исследовательского квартала. Защита — семь уровней, включая заморозку пространства. — Он сделал паузу, собираясь с мыслями. — Изучение подтвердило первичные наблюдения. Растение не просто аккумулирует магическую энергию огня. Оно её контролирует. Осмысленно. Целенаправленно.

Артём медленно кивнул, его пальцы дробно застучали по поверхности стола.

— Уровень контроля?

— Сопоставим с крепким подмастерьем второго-третьего года обучения, специализирующимся на пиромантии, — отчеканил Иллидан. — Но с одной оговоркой. У подмастерья есть теория, заклинания, понимание принципов. У цветка... есть только инстинкт. Чистый, отточенный, смертоносный инстинкт. Он не «колдует», как мы. Он просто... действует. Огонь для него — продолжение его воли. Когда мы попытались взять пробу тканей с помощью големов, он выстрелил сконцентрированной струёй пламени температурой около восьмисот градусов. Прожёл три сантиметра чистого алмазиевого сплава. Защита сработала, но факт остаётся фактом: растение атаковало угрозу. И сделало это очень эффективно.

— Защитный механизм? — Предположил Артём.

— Не только, — покачал головой Иллидан. Его глаза за толстыми стёклами сузились. — Мы провели серию тестов. Подносили к периметру безопасности различные объекты. Големов-слуг, животных из парка — электрического оленя, кстати, он привёл в ярость — нейтральные магические заряды... И людей. Вернее, их манекены, испускающие схожий с человеческим магический и тепловой фон.

Он замолчал, снял очки и принялся протирать их платком, словно стараясь оттянуть момент оглашения следующей части отчёта.

— И? — мягко подтолкнул его Артём, хотя в груди у него уже сжалось холодное предчувствие.

— Животных, даже проявлявших агрессию, цветок игнорировал. Големов атаковал только при прямом контакте или манипуляциях с собой. Нейтральную магию... поглощал, как удобрение. — Иллидан снова вздохнул и надел очки. Его взгляд стал острым и неумолимым. — На манекены, имитирующие людей, растение реагировало мгновенной, неспровоцированной ничем агрессией. Даже когда «человек» просто стоял в двух метрах, не двигаясь. Оно чувствует нас, Артём. И оно нападает. ПЕРВЫМ. Без предупреждения. Агрессия избирательна и направлена исключительно на людей.

Тишина в кабинете стала густой, тяжёлой. Артём устало откинулся в кресле, закрыв глаза. Внутри у него всё похолодело. Избирательная агрессия. Так это был не случайный защитный механизм новой формы жизни. Это было...

— Вражда, — тихо произнёс он, открыв глаза. — Заранее запрограммированная вражда.

— Такой вывод напрашивается, — мрачно согласился Иллидан. — Но это ещё не всё. Твой цветок был не единственным. После твоего сообщения я поднял весь отдел, всех доступных магов-натуралистов и големов-разведчиков. Мы прочесали парк. Всю его территорию. И нашли ещё.

Он потянулся к отчёту, перелистнул страницу, испещрённую аккуратными записями и схематичными зарисовками.

— Двадцать семь экземпляров на момент закрытия поисков вчера вечером. Все разные. Все — с признаками активного магического контроля. Вот здесь, — он ткнул пальцем в один из рисунков, — лиана с шипами, способная выстреливать ими, как дротиками, и пробивать доспех средней степени защиты. Влага в них... не просто вода. Это концентрированная кислота, разъедающая камень за секунды. Здесь — гриб, выпускающий споры, которые в воздухе преобразуются в облако усыпляющего нейротоксина. Цветок, похожий на орхидею, чьи лепестки испускают высокочастотный звук, сводящий с ума и разрывающий барабанные перепонки. И все они, Артём. ВСЕ. Атаковали разведчиков-големов при попытке приближения. А на манекены людей — нападали сразу, как только те попадали в радиус их чувствительности, который у разных видов варьируется от одного до пятидесяти метров.

Артём встал и медленно подошёл к окну-иллюзии. Звёзды над пустошью казались такими же холодными и безразличными, как и всегда. Но теперь их холод проникал внутрь, в самое сердце.

— Они все в изоляции? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да. На полигоне. Но, Артём... — голос Иллидана дрогнул, в нём впервые зазвучала не просто тревога, а откровенный, леденящий страх. — Это не остановилось. Это не локальная аномалия парка.

Артём обернулся. Его лицо стало вдруг каменной маской, но в глазах бушевала целая буря чувств.

— Продолжай.

— Сегодня утром, — Иллидан говорил медленно, чеканя каждое слово, словно вбивая гвоздь в крышку гроба, — с шести до девяти часов, по всей территории столицы, в пределах купола, нашими патрулями и, что хуже всего, простыми горожанами было обнаружено и зафиксировано сто семнадцать новых экземпляров подобных растений. Они появляются не только в парке. Они растут в трещинах мостовых. На стенах зданий. В вентиляционных шахтах. В подвалах. Водоросли с признаками водной стихии найдены в декоративных каналах. Грибы, испускающие ядовитые споры, — в подземных хранилищах продовольствия. Скорость

распространения... она экспоненциальна, Артём. Вчера — два десятка, сегодня утром — уже сотни. К полудню, я уверен, цифра перевалит за тысячу.

Он тяжело поднялся с кресла, подошёл к столу и положил на него ладонь поверх отчёта.

— Это... уже не случайная мутация. Не локальная вспышка. Это... системное явление. Что-то изменилось. В самой магической среде. В фундаментальных правилах нашего мира. И эти растения... они первая ласточка. Первый симптом болезни.

Артём вернулся к своему креслу, но не сел. Он остался стоять, опираясь руками о спинку, и смотря на Иллидана.

— Твоё мнение? Что это?

Иллидан долго молчал, его ум, видимо, лихорадочно перебирал данные, гипотезы, отбрасывая их одну за другой.

— Твёрдых гипотез пока нет. Только факты, — наконец сказал он. — Первое: мы наблюдаем появление новой формы жизни, принципиально отличной от всего, что мы знали раньше. Растения с активной магией, с волей, с инстинктом. Второе: их агрессия направлена специфически на человека. Это не просто хищничество. Это что-то... личное. Третье: скорость их распространения и появления указывает на внешний, планетарный фактор. Это не они «эволюционировали» в парке. Это среда позволила им проявиться. Или... призвала.

Он снял очки, и его усталые, умные глаза прямо встретились со взглядом Артёма.

— После Запрета, после уничтожения технологий, магия стала единственным двигателем жизни, который мы активно развивали это столетие. Мы думали, что контролируем её, что понимаем её законы. Великий дал нам эти законы. Но что, если... — он запнулся, боясь произнести следующее вслух, — что если это были не все законы? Что если магия... живая? И что если она... устала от нас?

Артём резко выпрямился. Мысль, промелькнувшая у него вчера на поляне, теперь, озвученная Иллиданом, обрела чудовищную конкретику.

— Ты думаешь, это связано с Выбросами? С... состоянием Великого?

— Почти всё в этом мире уже давным-давно связано с Великим, Артём, — горько улыбнулся Иллидан. — Он — стержень, на котором держится реальность. Его воля — закон. Если закон даёт сбой... или меняется, то мир меняется вместе с ним. Выбросы — это явно симптомы нестабильности, пусть Климов и скрывает это сколько хочет. А эти растения... могут быть уже следствием. Новыми правилами игры, написанными без нашего участия.

Иллидан откинулся в кресле, устало массируя переносицу.

— Ты ведь знаешь, что магия существовала и до изобретения препарата. Мы проверили архивные данные, старые записи, оставшиеся со времён до катастрофы. Легенды, мифы, отрывочные научные отчёты о «волшебных» лесах, о «духах» природы... Всё это считалось вымыслом, аллегорией, последствием слабого фонового мана-излучения в некоторых регионах. Но что, если это была не аллегория? Что если это была... память? Память мира о том, какой магия была до? До того, как её загнали в рамки, до того, как её сделали инструментом? Живой, дикой, своеобразной... и враждебной к тому, кто пытается её покорить?

Артём медленно прошёлся по кабинету. Его тень, отбрасываемая мягким светом кристаллов, заметалась по стенам.

— Если это так, то запрет на технологии... был не спасением, а спусковым крючком, — произнёс он вслух страшную догадку. — Великий уничтожил конкурента магии. Оставил её единственной силой. И теперь, когда нет ограничений, нет сдерживающего фактора для развития... когда мы сами развиваем её семимильными шагами, она просыпается. В своей изначальной, дикой форме. И первыми просыпаются самые древние, самые связанные с ней формы жизни — растения.

— А люди для этой дикой магии — чужаки, — тихо добавил Иллидан. — Пришельцы. Паразиты, столетие кравшие её силу, строящие из неё свои города и свои законы. Неудиви-

тельно, что новые формы жизни видят в нас угрозу. Может, для мира магии мы и есть угроза. Болезнь, которую нужно выжечь.

В кабинете снова воцарилась тишина, но теперь она была звенящей, полной невысказанного ужаса. Картина, которую они нарисовали, была чудовищной в своей логике. Они не боролись с инопланетным вторжением или мутацией. Они стояли лицом к лицу с пробуждением самого дома, в котором жили. И дом решал, что пора вымести непрошенных гостей.

— Что мы можем сделать? — спросил Артём, и его голос прозвучал хрипло. — Уничтожать очаги? Очищать город?

— Мы пытаемся, — Иллидан махнул рукой. — Отряд очистки уже работает. Но, Артём, ты не понимаешь. **МЫ НЕ УСПЕВАЕМ**. Они появляются быстрее, чем мы их находим. И когда мы пытаемся уничтожить одно растение... иногда два других, растущих в радиусе километра, реагируют. Атакуют магов очистки. У нас уже есть первые пострадавшие. Лёгкие ожоги, отравления. Пока ничего смертельного, но это вопрос времени. Они учатся. Координируются. У них есть какая-то... примитивная сеть. Возможно, через корневые системы, через мицелий грибов, через магический резонанс. Мы сражаемся не с сорняками. Мы сражаемся с армией. Растительной, молчаливой, безжалостной армией, которая знает местность лучше нас и размножается с чудовищной скоростью.

Он встал, подошёл к Артёму и посмотрел ему прямо в глаза. Взгляд старого архимага был полон не трепета перед начальством, а отчаяния коллеги, товарища по катастрофе.

— Артём, — сказал он, и каждое слово падало, как камень. — Кажется, у нас зарождается полноценный новый вид живых существ. Причём распространяющийся просто с немыслимой скоростью и предельно агрессивный по отношению к людям. Если всё так и продолжится... если мы не найдём способ остановить этот процесс, не поймём его причину... нас ждёт катастрофа. Не война с другим государством. Война с самой планетой. С тем миром, который мы считали своим домом. И в этой войне у нас нет союзников. Только мы. И они. Всё остальное... либо топливо, либо нейтральный фон.

Артём молча смотрел Иллидану в глаза. В его голове проносились картины: идиллический парк, превращающийся в смертельную ловушку, идеальные улицы, прорастающие ядовитыми шипами, дома, где в один прекрасный день цветы на подоконнике решат, что хозяева лишние. Их рай, их строгий, прекрасный, безопасный мир, начинал пожирать сам себя. Или, что было страшнее, очищаться от них.

Он видел этот же страх и в глазах Иллидана.

Видел беспомощность.

И знал, что тот же страх и та же беспомощность отражаются сейчас в его собственных глазах. Они были архимагами, правителями, сильнейшими магами империи. Они могли повелевать стихиями, вызывать призраков прошлого, управлять материей. Но как бороться с изменением самой сути реальности? Как договариваться с пробуждающимся инстинктом планеты?

Он отвёл взгляд, снова посмотрел на звёздное небо в иллюзии.

За куполом столицы, возможно, уже происходило то же самое. Дикая магия, не сдерживаемая волей Великого, бушевала, рождая новых чудовищ из пепла старого мира. А их купол, их строгие законы, их Академия — были лишь хрупким пузырьком, затянутой плёнкой на поверхности бушующего океана.

И плёнка уже начала рваться.

Он глубоко вздохнул, выпрямил плечи.

Страх никуда не делся. Он лежал тяжёлым свинцовым шаром в желудке. Но поверх него нарастало что-то другое. Холодная, ясная решимость. Та самая, что когда-то позволила ему, маленькому испуганному мальчику, идти за золотым призраком через радиоактивный ад.

Они выжили тогда. Пережили ядерный огонь, тиранов, цифровую чуму. Они построили этот хрупкий рай. Смогут повторить это и снова, если потребуется.

И он, Артём, Правая Рука, Верховный Архимаг, не позволит себе пасть без борьбы. Даже если врагом окажется сама природа.

Он повернулся к Иллидану. Его лицо было спокойным, голос — ровным и твёрдым, как сталь.

— Знаю, — сказал он. Всего одно слово. Но в нём было принятие факта, признание угрозы и начало сопротивления.

Иллидан с облегчением выдохнул, увидев эту перемену. Он кивнул.

— Что прикажешь?

— Во-первых, — начал Артём, возвращаясь к столу и садясь, — полная мобилизация твоего отдела и всех смежных: натуралистов, геомантов, специалистов по магической экологии. Все ресурсы Академии — в вашем распоряжение. Нужно понять механизм появления этих растений. Как они появляются? Откуда берутся? Есть ли у них центр, ядро? Слабое место?

— Будет сделано.

— Во-вторых, — продолжал Артём, его ум уже работал, выстраивая оборону, — создаём оперативный штаб по кризису. Подключаем Имперскую Стражу, городскую охрану, службы жизнеобеспечения. Разрабатываем и внедряем протоколы обнаружения и безопасного уничтожения этих... существ. Называем их как-нибудь. Для отчётов. «Флора-агрессоры»? «Маго-флора»?

— «Вредители» слишком мягко, — мрачно пошутил Иллидан. — «Энты»?

— Пока пусть будут «Энты», — согласившись отрезал Артём. — Чтобы не сеять панику, да и звучит не так угрожающе, почти сказочно. В-третьих, и это главное: абсолютная секретность. Никакой информации в народ, в прессу, даже в нижние звенья охраны без нашего прямого приказа. Паника убьёт нас быстрее, чем эти цветы. Но при этом — тотальная готовность. Город должен быть начеку, но не знать, почему именно.

— Сложная задача, — заметил Иллидан. — Люди уже видят, находят...

— Тогда объясняем это как... временную магическую аномалию, последствие юбилейного Выброса, — быстро нашёл решение Артём. — Скажем, что Академия работает над решением, просим граждан сообщать о странных растениях и не приближаться к ним. Это вызовет беспокойство, но не истерику.

— Принято.

— И последнее, — голос Артёма стал тише, но весомее. — Мне нужен доступ ко всем архивам. Ко всему, что у нас есть о состоянии Великого, о природе Выбросов, о самых ранних теориях происхождения магии. К запретным свиткам, если такие есть. К воспоминаниям старейших магов, которые ещё помнят мир до катастрофы. Если причина там — мы должны это знать.

Иллидан снова кивнул, но в его глазах мелькнуло сомнение.

— Запретные архивы... доступ к ним может дать только личное разрешение Совета Старейшин. И даже тогда... некоторые знания считаются слишком опасными.

— Тогда я поговорю со Старейшинами, — без колебаний сказал Артём. — Сейчас не время для табу и страха перед знаниями. Мы стоим на пороге войны за само наше существование. И я не намерен вступать в неё слепым.

Он встал, показывая, что встреча окончена. Иллидан тоже поднялся, собрал свой бумажный отчёт.

— Я пришлю тебе полный цифровой отчёт через час, как только данные с полигона будут обработаны, — сказал он, направляясь к двери.

— Иллидан, — остановил его Артём. Старый архимаг обернулся. — Спасибо. За быстроту. За ясность. Держись. Нам предстоит долгая и тёмная ночь.

— Мы переживали и не такое, Артём, — попытался улыбнуться Иллидан, но улыбка вышла кривой. — По крайней мере, на этот раз враг не стирает города в ничто и не взламывает

наши сети. Он просто.... хочет отобрать у нас дом. И... Советую тебе поговорить с Марфой. Это по её части. И с Климовым. Сейчас великий может быть нужен нам, как никогда в последние годы.

Он вышел, и тяжёлая дверь кабинета беззвучно закрылась за ним.

Артём остался один. Тишина снова обрушилась на него, но теперь она была совершенно другой — не покоем власти, а гробовой тишиной перед бурей. Он подошёл к окну, упёрся ладонями в холодный, иллюзорный «подоконник» и посмотрел на звёзды.

Что же ты наделал? — мысль была обращена не к Иллидану, не к учёным, не к какой-то абстрактной силе. Она была обращена туда, в высь, в недра, в самую сердцевину магического поля, где, как он верил, всё ещё пребывала та самая Воля. — Ты хотел защитить нас. Дать нам законы. Порядок. Ты отрезал нам руки, чтобы мы не убили себя сами. Но что теперь? Ты заснул? Ушёл? Почему говоришь только с Климовым? Или... это тоже часть плана? Новая строгость? Очищение от слишком избалованных детей?

Ответа, конечно, не последовало.

Только тишина. Та самая, сорокалетняя тишина.

Внезапно его взгляд упал на небольшой горшок с декоративным папоротником, стоявший на полке у стены. Растение было обычным, неагрессивным, выращенным в оранжереях Академии. Оно спокойно шевелило листьями в потоке воздуха от вентиляции.

Артём подошёл к нему, задумчиво наблюдая за безмятежным покачиванием вай. Он протянул руку, чтобы дотронуться до листа... и замер. Глупая, иррациональная мысль: а что, если оно уже заражено? Что, если завтра утром этот безобидный папоротник выстрелит в него кислотой или опутает ядовитыми усиками?

Он с силой сжал кулак и опустил руку.

НЕТ. Не сейчас. Ещё нет.

Он вернулся к столу, активировал магический коммуникатор. Над столом возникла голограмма — лицо Софии, озабоченное и усталое.

— Арти? Что случилось? Иллидан только что пронёсся по коридору, как ураган, с лицом... Боже, что такое?

— Собери экстренный малый совет, — сказал Артём, не отвечая на вопрос прямо. — Ректоров ключевых кафедр: биомании, защиты, стихий, големики. Через час в центральном зале. Тема: новая угроза биологической безопасности.

В голограмме лицо Софии побледнело.

— Артём... что нашли?

— Наш дом, дорогая, — тихо ответил он, глядя в её синие, полные страха глаза. — Похоже, наш дом решил, что ему лучше без нас. Готовься. Что-то начинается. И предупреди детей.

Он отключил связь. Голограмма погасла.

Артём остался сидеть в своём огромном, но таком тихом кабинете, в сердце Колизея, в центре идеального города, под защитой золотого купола. Но впервые за многие десятилетия он почувствовал себя не защитником, а осаждённым. Стены его крепости не рушились под ударами врага. Они прорастали им изнутри.

Он взял со стола холодный кристалл-накопитель, в котором только что получил предварительные данные от Иллидана. На его гладкой поверхности отражалось его собственное лицо — всё ещё молодое, сильное, но с глазами, в которых поселилась тень грядущей бури.

Знаю, — снова мысленно повторил он слова, сказанные Иллидану.

И на этот раз это «знаю» звучало как клятва. Клятва сражаться. Даже если врагом окажется сама земля под ногами. Даже если это будет последней битвой.

Глава 6

Бетонные катакомбы под Колизеем были не просто укрытием. Они были памятью. Памятью о том мире, которого больше не существовало — мире стали, бетона, тревожных ламп и вечного гула генераторов. Море, который пытались воспроизвести в первые десятилетия после Катастрофы, пока не поняли, что магия может дать больше, чем просто имитацию старого.

Климов шёл по этому миру-призраку, и каждый его шаг отдавался в пустоте многократным эхом. Его чёрные, идеально отполированные ботинки ступали по пыльному бетону, оставляя чёткие следы в слое вековой пыли. Он не пользовался здесь магией для уборки. Это место должно было оставаться таким — могилой старой эпохи, вечным предостережением и напоминанием.

За прошедшие сто лет он стал походить на чёрного ястреба.

Высокий, сухой, с плечами, немного ссутулившимися под невидимым грузом, но не от слабости — от привычки вжиматься в себя, концентрировать силу. Его чёрный костюм, простой по крою, сидел на нём идеально и небрежно одновременно, как вторая кожа, не стесняющая движений и не привлекающая лишнего внимания. А взгляд... Взгляд пробирал до костей. Он прошёл через ад Бункера номера 5, через рождение Империи, через десятилетия администрирования целого мира. Он видел, как рождались и умирали поколения, как идеалы обрассали бюрократией, как вера становилась догмой. И теперь он смотрел на мир не как на собрание людей, а как на сложный механизм. Винтики. Шестерёнки. Процессы. И, увы, будущих мертвецов — потому что даже в самом совершенном механизме детали изнашиваются и подлежат замене.

Он опускался всё ниже. Лифты здесь не работали уже семьдесят лет — Великий приказ отключить всё, что могло его потревожить. Климов шёл по лестницам, спиралям, пандусам, уходящим в самое нутро планеты. Постепенно исчезали даже следы старого освещения — лампы, когда-то горевшие тусклым жёлтым светом, теперь были разбиты или просто истлели. Тьма сгущалась, становилась абсолютной, живой, почти осязаемой.

Но глаза Климова лишь вспыхивали в темноте холодным стальным блеском. Не магия, не заклинание. Просто взгляд человека, который слишком долго смотрел в бездну и научился видеть в ней то, что скрыто от других. Он шёл вперёд, не замедляясь, не спотыкаясь, словно прекрасно видел каждую трещину в бетоне, каждый обвалившийся кусок штукатурки, каждый ржавый болт в давно не работавшей системе вентиляции.

Часы сливались воедино.

Время в катакомбах текло иначе — густо, медленно, словно патока. Здесь не было суток, не было смены дня и ночи. Только вечный полумрак и тишина, нарушаемая его шагами и редким падением капель воды где-то в отдалении.

Наконец он дошёл до конца. Последний коридор, вырубленный уже не в бетоне, а в сплошной скальной породе. Стены здесь были гладкими, будто выжженными чудовищным жаром.

Воздух стал другим — густым, тяжёлым, насыщенным чем-то, что щекотало ноздри и заставляло кожу покрываться мурашками.

Мана.

Не та лёгкая, послушная энергия, что наполняла улицы столицы. Здесь она была дикой, концентрированной, зловещей. Как будто он спустился не в бункер, а в сердце вулкана, который только притворяется спящим.

В конце коридора стояли двери. Не стальные, не бронированные. Просто огромные каменные плиты, вырезанные из цельного гранитного монолита. На них не было ручек, замков,

даже петель — издалека они и вовсе казались частью самой скалы. Но Климов знал, как их открыть.

Он подошёл вплотную, упёр ладони в холодную, шершавую поверхность. Камень был тёплым на ощупь, почти живым.

— Только я, — тихо сказал он, не зная, слышит ли его тот, кто был по ту сторону. — Климов.

И мир вокруг вздрогнул.

Сначала это был лишь лёгкий ветерок, поднявший пыль с пола. Потом полы его длинного чёрного пальто затрепетали, словно на него дунули из гигантских мехов. Воздух загудел низко, на грани слышимого, и по стенам, потолку, самому телу Климова пробежали тысячи золотых искр. Они вырывались из мельчайших трещин в камне, из самой толщи дверей, танцевали в воздухе, сливались в сияющие нити, которые тянулись к его рукам.

Но это была не атака. Это было... признание. Приветствие. Его проверяли, и он проходил проверку.

Руки Климова на каменной поверхности вдруг напряглись. Дряблые, уже далеко не молодые мышцы под тонкой кожей и тканью костюма внезапно вздулись, извилились, будто под ними закопошились и переплелись тысячи живых червей. Это было страшно и неестественно — тело старого администратора, не мага по призванию, вдруг наполнилось грубой силой, которую он черпал не из магии, а из самой своей воли, из ста лет непрерывной службы, из связи с тем, что было за дверью.

Каменные плиты дрогнули. Раздался скрежет, которого не должно было быть — граниту не полагалось скрипеть. Но он скрипел, стонал, сопротивлялся. Климов вцеплялся пальцами в малейшие неровности, его суставы белели от напряжения. Вены на лбу и шее вздулись синими жгутами...

И двери поддались.

Не плавно, не торжественно. С тяжёлым, утробным рёвом они распахнулись внутрь, откинувшись, словно плиты склепа. И из открывшегося прохода хлынула волна тепла и ослепительного золотого света. Климов на мгновение зажмурился, а потом заставил себя открыть глаза.

Перед ним была комната. Если это можно было назвать комнатой.

Помещение было квадратным, в ширину и длину метров тридцать. Стены, пол, потолок — всё тот же голый, оплавленный по краям бетон. Никакой мебели. Никаких украшений. Никаких следов жизни. Только в самом центре, на идеально ровном, отполированном до зеркального блеска полу, стоял одинокий простой деревянный табурет. Тот самый, который Климов помнил ещё со времён бункера — грубо сколоченный, с потёртым сиденьем.

А на нём сидел Великий Хозяин.

Он сидел, склонив голову, будто в глубокой задумчивости или сне. Его глаза были закрыты, длинные тёмные ресницы отбрасывали тени на бледные, идеально гладкие щёки. Губы, тонкие и выразительные, были плотно сжаты в одну напряжённую белую полосу. Он был одет просто — в тёмные брюки и простую рубашку без рукавов, и эта простота в таком месте выглядела более царственной, чем любая мантия.

Но вокруг него... вокруг него бушевал ад.

Нет, не просто ад. Нечто большее...

Воздух в комнате дрожал, искривился, как над раскалённым асфальтом. От тела сидящего исходило сияние — не просто свет, а плотная, текучая субстанция чистого золотого пламени. Она пульсировала, дышала, перекачивалась волнами, то сжимаясь вокруг фигуры в плотный кокон, то вырываясь наружу языками огня, которые лизали стены, оставляя на бетоне новые оплавленные следы.

И в этом сиянии плавали сгустки более тёмной, почти чёрной энергии, искры чистого белого света, мерцающие руны, которые рождались и умирали за доли секунды. Это была магия в её самом чистом, самом необузданном, самом тираническом виде. Она подчиняла себе саму реальность, заставляя пространство комнаты трещать по швам. Климов видел, как в углах помещения воздух мерцал и рвался, открывая на мгновение картины чего-то иного — то вспышку звёздного неба, то вид выжженной пустоши, то просто хаос первозданного света.

Это была мощь, которая могла создавать миры. И которая сейчас была заточена в бетонной коробке под землёй, потому что её носитель не выпускал её на волю.

Климов сделал шаг вперёд. Его подошвы зашипели, касаясь раскалённого пола. Магическое пламя облизнуло края его пальто, и ткань начала медленно тлеть, испуская едкий запах гари. Он не обращал внимания. Он шёл к центру, к тому, кого когда-то знал как Первого Мага. Человека, который спас его и остатки его людей. Человека, который стал богом. И который теперь был самым одиноким существом во вселенной.

Он остановился в двух шагах от табурета. Сияние обжигало кожу его лица, но Климов не отводил взгляда.

И тогда ОН открыл глаза.

Этого нельзя было описать словами.

Это не было просто открытием век. Это было рождением двух солнц в человеческих глазницах.

Веки откинулись, и Климов увидел... не глаза. Он увидел две вращающиеся, бушующие сферы магмы и чистого золотого света.

В них не было ни зрачков, ни белков — только бесконечная глубина ядерного огня, сжатая в форму, напоминающую человеческий орган зрения. От них исходил жар и свет такой интенсивности, что Климов инстинктивно прикрыл лицо рукой, чувствуя, как его сетчатка отзывается пульсирующей болью даже сквозь сомкнутые веки.

Температура в комнате подскочила на добрых тридцать градусов в одно мгновение. Воздух затрепал, зашипел. На стенах выступили капли расплавленного бетона, которые тут же и испарялись. Пальто Климова вспыхнуло по краям, и он сбросил его одним резким движением, отшвырнув в сторону, где оно мгновенно превратилось в горстку пепла.

Великий выглядел молодо. Ужасающе молодо. Богоподобно. Ни одной морщинки, ни одного следа времени на лице, которое казалось высеченным из мрамора. Но в этой молодости была не жизнь, а застывшая вечность. Вечность, которая медленно сводила с ума своего носителя.

Климов, не отводя взгляда от этих двух солнц, медленно, с величайшим почтением, опустился на одно колено. Камень пола начал жечь кожу через ткань брюк.

Долгое молчание повисло между старыми знакомыми. Только гул магического шторма и шипение испаряющейся влаги прерывали её.

Потом раздался голос. Он не вышел из губ Великого. Он возник прямо в сознании Климова, в самой ткани воздуха, в вибрации пламени вокруг. И голос этот был... усталым. Невежливо усталым.

— Зачем ты пришёл, Климов?

Администратор поднял голову. Его лицо, обожжённое жаром, было серьёзным, но не раболопным. Он никогда не раболопствовал. Даже перед богом.

— Первый, — сказал он, и его собственный голос после того божественного звучания показался хриплым, убогим. — Народ волнуется за тебя. Очень сильно.

Солнца-глаза прищурились. От этого жеста по комнате пронёсся вихрь, сбивший Климова с колен.

Человек упал на спину, но тут же поднялся, отряхиваясь.

Великий устало вздохнул. Это было простое движение грудной клетки, но от него в комнате образовалась ударная волна. Климов почувствовал, как его пронзает до костей ужасающе плотный, почти материальный поток магии. Она вливалась в него через поры, через лёгкие, через глаза. Она была тёплой, сладкой, невероятно могущественной — и абсолютно чужеродной. Его собственная, скромная магическая сущность, развитая за десятилетия службы, взвыла в протесте, пытаясь отторгнуть этот океан силы. Он почувствовал, как его разум затуманивается, как воля начинает растворяться в этом золотом море. Как хочется просто... подчиниться. Отдаться. Стать частью этого величия.

С великим усилием он вырвался из этого состояния, отползая на шаг назад. Края его рубашки и брюк начали медленно тлеть.

— Климов, — голос в его голове прозвучал чуть резче. — Ты и так знаешь, почему я не могу вернуться сейчас.

Администратор стиснул зубы, заставляя себя думать ясно. Это была его работа. Его долг. Даже перед богом.

— Но... люди боятся! — выдохнул он. — Выбросы становятся сильнее. Появляются слухи. Некоторые уже говорят, что ты... что ты оставил нас. Что ты умер. Что купол рухнет без твоей воли! Им нужен хотя бы знак, Первый! Хоть что-то!

— **КЛИМОВ.**

Одно слово. Одно слово, произнесённое без повышения тона, ударило Климова, как пощёчина. Он отлетел назад, ударился спиной о раскалённую стену и с подавленным стоном сполз на пол. На его спине остался обугленный след от сгорающей ткани и кожи.

А взгляд... Взгляд этих немыслимых глаз прожигал его насквозь. Не метафорически. Климов буквально почувствовал, как сияние проникает сквозь его плоть, просвечивает кости, касается самой души. И в этом касании не было гнева. Была лишь... бесконечная, усталая печаль.

— **НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ПОВТОРЯТЬ.**

Каждое слово падало, как молот.

— **МОЯ МАГИЯ... В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ТИРАНИЧНА. ОНА ПОДЧИНЯЕТ СЕБЕ ВСЁ ВОКРУГ. НЕЗАВИСИМО ОТ МОИХ ЖЕЛАНИЙ.**

Великий сделал паузу, и его голос в сознании Климова стал чуть тише, но от этого не менее весомым.

— **И ЛЮДИ — НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ.**

Климов, всё ещё сидя на полу, поднял голову. Он видел не гневного бога. Он видел... страдающее существо. Существо, которое боится собственной тени. Вернее, собственного света.

— **Я НЕ ХОЧУ ДЕЛАТЬ ЛЮДЕЙ СВОИМИ РАБАМИ,** — продолжал голос, и в нём впервые прозвучала настоящая, человеческая боль. — **НЕ ХОЧУ ПОДЧИНЯТЬ ИХ ВОЛЮ. Я ВИДЕЛ, К ЧЕМУ ЭТО ПРИВОДИТ. ВИДЕЛ, КАК ВЕРА ИСКАЖАЕТ, КАК ПОКЛОНЕНИЕ РАЗРУШАЕТ. Я БЫЛ НА ГРАНИ ЭТОГО САМ. НО...** — пауза стала ещё длиннее, — **НО Я НЕ МОГУ ВЕЧНО СДЕРЖИВАТЬ СОБСТВЕННОЕ МОГУЩЕСТВО. НЕ ПОЛНОСТЬЮ. Я СТАЛ СЛИШКОМ СИЛЁН, МОЙ СТАРЫЙ ДРУГ... СЛИШКОМ СИЛЁН, ЧТОБЫ ЖИТЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ.**

Великий вдруг обмяк на своём табурете. Его плечи ссутулились, голова опустилась. И впервые за всё время Климов разглядел детали, которые раньше скрывало сияние. Огромные, синие, почти чёрные круги под глазами. Лёгкая дрожь в пальцах, сжатых в кулаки на коленях. Напряжённые жилы на шее. Этот богоподобный юноша был измождён до предела. Он не спал. Он не отдыхал. Он вел непрерывную, титаническую войну с самим собой.

— Климов, — голос стал почти шёпотом, но от этого не менее ясным. — Ты не хуже меня знаешь, что это вынужденная мера. В последние годы... я стараюсь спать раз в месяц. Или того реже. Позволяя себе жалкие часы расслабления, истинного покоя. Потому что иначе... — он

поднял голову, и в его горящих глазах Климов увидел настоящий, животный страх, — иначе моя сила, лишённая контроля, снова начнёт подчинять. Расползаться. Искать сосуды. Находить слабые умы и вплетать их в свою сеть. Я чувствую это каждый раз, когда моё сознание хоть на секунду отключается. Как магия начинает жить своей жизнью. Как она тянется к людям, к животным, даже к камням... и делает их продолжением меня. Моими глазами. Моими руками. Моими рабами.

Климов молча кивал, поднимаясь с пола. Боль от ожога на спине была острой, реальной. Она помогала держаться в сознании.

— Знаю, — хрипло сказал он. — Люди сейчас называют это выбросами. Когда магия на улицах начинает искриться, големы замирают... Все думают, это просто... побочный эффект.

Великий также молча кивнул в ответ. Простой человеческий жест, который выглядел так странно в этом котле божественной мощи.

— И это знаю, мой старый друг. — Он снова вздохнул, и пламя вокруг него взметнулось к потолку, опалив бетон. — Как знаю... и про энтов.

Климов замер. Потом его глаза вспыхнули надеждой, и он сделал шаг вперёд.

— Так значит, ты... ты знаешь, что происходит! Ты можешь...

— **НЕТ.**

Голос снова стал железным, отсекая надежду на корню. Великий поднял руку в предостерегающем жесте, и Климов увидел, как пальцы его бывшего повелителя дрожат от напряжения.

— **Я МОГУ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ЛИШЬ МИНИМАЛЬНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО. И ИЗДАЛЕКА. ЧЕРЕЗ СЕТЬ. ЧЕРЕЗ КАНАЛЫ, КОТОРЫЕ Я ПРОЛОЖИЛ СТОЛЕТИЕ НАЗАД. Я... — он замялся, и в его голосе снова прозвучала эта страшная, божественная усталость, — НЕ СМОГУ ЗАЩИЩАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЛИЧНО. НЕ СЕЙЧАС.**

Его сжатый кулак ударил по собственному колену, и от удара по комнате прошла волна, от которой в бетоне пошли трещины.

— **ЕСЛИ Я ХОТЬ НА МГНОВЕНИЕ НЕ СДЕРЖУСЬ... ЕСЛИ ДАМ ВОЛЮ СВОЕЙ ПОЛНОЙ СИЛЕ... ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ПЛАНЕТЕ МГНОВЕННО СТАНЕТ МОИМИ БЕЗВОЛЬНЫМИ РАБАМИ. Я ВИДЕЛ ЭТО В СВОИХ КОШМАРАХ. Я ЧУВСТВОВАЛ ЭТО НА ПРАКТИКЕ, КОГДА ЕЩЁ ПЫТАЛСЯ ЖИТЬ СРЕДИ ВАС. КАК ИХ ВОЛЯ ТАЕТ, КАК ИХ ЛИЧНОСТИ РАСТВОРЯЮТСЯ В МОЁМ СВЕТЕ. Я НЕ ГОТОВ ПРИНЯТЬ ЭТО. НЕ ГОТОВ ПРИНЯТЬ ТАКУЮ ЦЕНУ.**

Он посмотрел прямо на Климова, и в его глазах-солнцах было столько муки, что старому администратору стало физически больно.

— **Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ БОГОМ, КЛИМОВ. Я ХОЧУ БЫТЬ ГАРАНТОМ. НО МОЯ СИЛА... ОНА САМА РЕШАЕТ, КЕМ МНЕ БЫТЬ. И СЕЙЧАС ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ НЕ СТАТЬ ТИРАНОМ ДЛЯ ВСЕГО ЖИВОГО — СИДЕТЬ ЗДЕСЬ. В ЭТОЙ КОРОБКЕ. И ДЕРЖАТЬ ВСЁ В СЕБЕ.**

Климов мрачнел с каждой секундой. Его ум, всегда искавший решения, наткнулся на стену. Абсолютную. Непреодолимую. Как можно бороться с угрозой, если твоё главное оружие само по себе является угрозой?

— Мы... — он начал и замолчал, подбирая слова, но нашлись только правдивые, страшные. — Мы можем не справиться, Первый. Эти растения... энты. Они появляются везде. Они умны. Координируются. Их магия... она другая. Дикая. Мы не понимаем её. А они понимают нас слишком хорошо. Они знают, как нас убивать.

Он ждал ответа. Мольбы. Гнева. Хоть чего-то.

Но вместо этого раздался ГРОХОТ.

Оглушительный, яростный, рвущий барабанные перепонки. Климов инстинктивно пригнулся, прикрыв голову руками.

И увидел.

Правая рука Великого, всё ещё сжатая в кулак на колене... изменилась.

Не плавно. Не магически. С отвратительным, влажным хрустом ломающихся и перестраивающихся костей, с рёвом рвущихся мышц и кожи. Из плеча, из локтя, из самого кулака вырвалось чёрное, блестящее, хитиновое нечто. Паучья лапа. Огромная, толщиной в ствол дерева, покрытая костяными шипами и испещрённая трещинами, из которых сочились золотое сияние. Она вытянулась, как плеть, и с чудовищной силой вонзилась в бетонную стену справа от Великого.

Бетон в месте удара даже не треснул. Он испарился. Лапа прошла сквозь него, как нож через масло, углубившись на добрых пять метров в скальную породу, оставив после себя идеально круглый, оплавленный туннель. От удара по комнате прокатилась волна пыли и обломков. Климову пришлось закрыть лицо рукавом.

Великий даже не дрогнул. Он просто сидел, глядя на свою преобразившуюся конечность с выражением... что это было? Отвращение? Усталость? Привычка?

— Видишь? — его голос прозвучал в сознании Климова, и теперь в нём не было ничего, кроме ледяной, абсолютной горечи. — Даже в состоянии бодрствования... даже при максимальной концентрации... она вырывается. Части меня. Воспоминания о том, кем я стал в битве с Взем. О той... форме. Они живут во мне, Климов. И иногда... они хотят наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.